Охотница

Автор:
Мерседес Лэки

Охотница

Мерседес Лэки

Охотница #1

Мир после катастрофы опасен и жесток. Магия проникла на Землю, а вместе с ней явились и пришлецы – монстры, о которых раньше слагали легенды и сочиняли сказки. И только Охотники, воины с необычными способностями, могут защитить людей. Рада Чарм стала Охотницей еще в детстве. Она всегда знала, что ее главная задача – оберегать тех, кто не может постоять за себя сам. Но когда ей было приказано явиться в Пик, столицу и самый защищенный город государства, Рада поняла: мир Охотников устроен не так, как ей казалось. Власть обманывает горожан, пришлецов становится все больше, и их сила растет. А за Охотниками, которые давно превратились в кумиров толпы, ведется постоянная слежка. Но главное – кто-то начал охоту за самой Радой. Кто он? И что им движет?

Мерседес Лэки – всемирно известный автор фэнтези и обладатель многочисленных литературных наград. Ее серия «Охотница» стала бестселлером по версии престижного издания New York Times.

Мерседес Лэки

Охотница

Mercedes Lackey

Hunter

© 2015 by Mercedes Lackey

© Сагалова А. Л., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

С любовью посвящаю эту книгу памяти моей матери, Джойс Ритчи.

Самая искренняя моя поклонница, она всегда была рядом.

Глава 1

Ночью из окон поезда ничего не видно – проводник их затемняет. Правда, и без этого мало кому приходит в голову смотреть в окно. Я окинула взглядом вагон. Только я вошла и уселась на свое место, мне сразу бросилось в глаза: я тут единственная из пассажиров моложе тридцати. Такие навороченные поезда мне знакомы лишь по видроликам. Правда, еще на станции в Ключах видела, пока мы с моим Учителем ждали отправления. А тут я сама вхожу в глянцевую серебряную трубу, а вокруг меня ряды невероятно мягких серо-голубых сидений. Просто не верится. Я украдкой изучала своих попутчиков. Одежда у них сшита не вручную. Наверняка гадают, как это меня занесло в их дорогой напыщенный мир. Однако расспросами меня не донимали: видно было, что им любопытно, но заговаривать вроде бы и не хочется. А я тем временем смотрела на отражения в темных окнах и мечтала снова оказаться дома. Впрочем, все эти люди могут знать, кто я. По дороге к станции Учитель Кедо сказал, что обо мне оповещен весь персонал поезда. Так что, возможно, пассажиры тоже в курсе.

Все уже уснули, только я не спала. У всех сиденья были откинуты, коконы натянуты, а головы и плечи скрывали приват-капюшоны. Вагон с пассажирами смахивал на кадр из драма-ролика, которые время от времени крутят вместе с еженедельной почтой. Я-то ими не особо интересуюсь, но моя подруга Кей их обожает, потому и мне приходится смотреть. Но я не жалуюсь. На то она и дружба.

А вообще, может, весь этот народ в вагоне крутил какие-то свои видролики: точно ведь не скажешь – они же все в наушниках и в очках. Кругом тянулись ряды откинутых специально наклоненных кресел – голову на колени соседу не положишь. И на каждом кресле словно лежал запеленатый младенец с мягкими черными буграми в верхней части тела. Эти коконы из какой-то незнакомой мне материи – шелковой, бархатистой, точно шерстка у котенка. Я наблюдала, как устраиваются спать пассажиры: многие просили стаканчик на ночь. Это если вдруг случится что-нибудь ужасное – они умрут, даже толком не поняв, что им грозила опасность.

Это все не для меня. Мое кресло тоже откинулось: все кресла автоматически откидываются и накреняются на ночь. Это делает начальник состава во всем поезде. И все же кокон я застегивать не стала и приват-капюшоном не воспользовалась. Не говоря уж о стаканчике. Да заикнись я о нем – моих Учителей тут же стошнило бы.

Ну ладно, не стошнило бы: Учителя как-никак люди приличные. Но они бы смерили меня красноречивым взглядом, в котором ясно читалось бы: «Ну и ну, до чего докатилась!» И от этого взгляда мне сделалось бы куда хуже, чем если бы их стошнило.

Мне хотелось посмотреть наружу, хотя понятно, что картинка за окном та же, что и днем. Этот путь считался достаточно безопасным – насколько вообще что-то может считаться безопасным ниже границы снегов. Рельсы были забраны проволочной клеткой, электрифицированной на пять миль впереди несущегося поезда и пять миль позади. Еще давно, когда все только приводили в порядок после Дисерея, военные сразу позаботились о безопасности движения поездов. Обеспечили ее в первую очередь. А вот за пределами проволочной клетки… Там было по-разному. Где-то безопасно, где-то нет. А где-то был сущий ад.

Сущий ад я наблюдала лишь однажды, причем в облегченной версии. Посмотрела своими глазами, как это бывает, когда пришлецы вдруг

обнаруживают, что им есть чем поживиться, и пускаются во все тяжкие. Это случилось два года назад; мне тогда исполнилось четырнадцать. И, разумеется, летом – не зимой же: зимой все поселения худо-бедно защищены снегом и холодом. Анстонов Родник был – и остается – симпатичным местечком, где живут симпатичные люди. Примерно тридцать семей – достаточно, чтобы обзавестись своей торговлей и складом. И пришлецы решили, что Анстонов Родник уже разросся до такой степени, что пора уделить ему внимание.

Я в ту ночь спала, как дитя, и меня подняла на ноги монастырская тревога. Учитель Кедо уже барабанил в мою дверь, пока я кое-как натягивала сапоги. «Призывай!» – крикнул он, и я призвала своих Гончих, а за моей дверью, в коридоре, уже толкались четыре Гончие Кедо. Они все смешались в одну стаю, и мы помчались к остальным. Те ждали снаружи, на снегу. Из Монастыря высыпали все его обитатели до единого – да, именно так: все до единого, от мала до велика. Кто-то с магией и с Гончими, кто-то с оружием.

Пока мы неслись к Анстонову Роднику, примерно треть домов уже заполыхали, и повсюду на улицах чудовища кидались на людей, пытавшихся дать им отпор. А за частоколом, сразу за деревней, чудовищ было еще больше, и Кедо отправил меня туда. Мы с Гончими… В общем, та ночь вся как-то смазалась в моей памяти. Я много стреляла – и магией тоже пользовалась вовсю, но по большей части стреляла. А Гончие задавали жару моим противникам, не подпуская их ко мне. Кедо вручил мне автомат Калашникова с трассирующими пулями, и пришлецам это определенно не понравилось. Перелом наступил, когда к нам на выручку подоспели другие Охотники из окрестных поселений. К рассвету мы вышвырнули пришлецов из Анстонова Родника. Тела, которые не развоплотились, пришлецы, видимо, забрали с собой. Треть домов сгорело, но в остальном нам дико повезло… Только двое погибших, хотя почти все не-Охотники пострадали: кто ранен, кто обожжен. Как сказал Пер Анстон: «Мы можем возродиться. Но мы не можем воскреснуть».

Тогда я не выдала своего страха. И сейчас не выдавала. Я прилежно училась прятать страх. Но на самом деле я боялась. Понятно, я жила не в самом безопасном месте на свете, но все же мой дом был куда безопаснее, чем те края, через которые проносился поезд. И мне придется сойти в худшем из этих краев. Рано или поздно придется. Не пройдет и года, как я буду нести там свой дозор.

Я Охотница, и это моя служба. Самая важная служба в мире. Со времени Вторжения Охотники защищают от чудовищ обычных людей. Я это уже давно

поняла, а если бы нет, то поняла бы в ту ночь, когда напали на Анстонов Родник. Тамошних жителей я хорошо знала: это были мои соседи, а из раненых двое были моими друзьями. Они приходили танцевать в Сейфхэвен. А я изгнала пришлецов с их полей, и… похоже, в ту ночь я и осознала, что быть Охотником – это важнее всего. Потому что Охотник может хоть что-то сделать с пришлецами, а все остальные не могут. Не пули, не ручные гранатометы, а именно Охотники решили исход тогдашней битвы и не дали Анстонову Роднику стать очередной боевой потерей в войне пришлецов и людей. Это не та служба, которую ты сам выбираешь, – это служба, которая выбирает тебя. Хотя, если бы у меня был выбор, я все равно стала бы Охотницей. Утром, когда мы возвращались в Монастырь в кузове грузовика, Учитель Кедо окинул меня долгим испытующим взглядом. Будто оценивал. И, кажется, то, что он увидел, его вполне устроило, потому что он взъерошил мне волосы и сказал: «Теперь ты настоящая Охотница, чика[1 - Девочка, девушка (исп.).]». Он закрыл глаза и с довольным лицом откинулся назад.

Между рядами пробирался проводник, проверяя, все ли у всех в порядке. Его зеленая форма очень смахивает на военную, но она, конечно, железнодорожная. Лицо у проводника квадратное, серьезное, волосы рыжие. Не знаю, зачем ему надо ходить и проверять, как тут пассажиры, но раз уж поезд – это такой дорогущий способ путешествовать, который не многим по карману, то, вероятно, тут сервис по высшему разряду. Летают нынче только военные, потому что в небе слишком уж опасно. Есть, правда, и другие поезда, не такие, как этот, – там людей везут, словно скот. И пассажирам в таких поездах приходится самим таскаться с багажом и еду запасать заранее. Я видела на станции людей, ждущих такой поезд, – точь-в-точь как на старинном снимке беженцев во время войны.

Но я-то другое дело. Я еду одна, без Учителей, но мне сказали, что в пути мне все будут оказывать всяческие почести, прямо как звезде. Это из-за того, что я Охотница, и еще из-за моего дяди. В дядю мне тоже не очень-то верится, как и в этот поезд. У меня как-то в голове не укладывается, что я в родстве с кем-то настолько именитым. На Горе-то всем это без разницы.

Проводник в моем ряду немного задержался, и я уже напряглась. Сейчас начнет мне выговаривать и требовать, чтобы я не нарушала общего распорядка, а улеглась и спала себе как все. Но вместо этого он перегнулся через мужчину, спящего между мной и проходом, и прошептал:

– А ты правда Охотница?

Я кивнула. А он изумленно вытаращился на меня.

– Но ты ведь такая юная, – неосторожно брякнул он. – Совсем еще девочка.

Я чуть не проболталась, что вообще-то я Охотница с девяти лет. Но промолчала. Потому что это не совпало бы с той легендой, которой мне надлежит придерживаться. Причем начинать делать это нужно прямо сейчас. Учителям и Монастырю вообще не положено существовать. Всякий, кто обнаружит, что он Охотник, обязан без промедления отправляться в Пик-Цивитас. В конце концов, Охотников раз-два и обчелся. Может, один на сотню, а то и на две рождается со способностями к магии, и только половина из них становятся Охотниками. Монастырь – один на всем континенте, других таких обителей я не знаю. Давным-давно, еще в самом начале Дисерея и Вторжения, многие Охотники пытались обучаться самостоятельно, но погибли, так и не овладев магией и не поняв, что нужно делать с Гончими. Поэтому всем Охотникам строго предписано являться в Пик-Цивитас для правильного обучения – таков закон. И, кстати, не такой уж глупый.

Я пожала плечами.

– А можно мне поглядеть на Гончих? – восторженно выдохнул проводник.

Я даже растерялась:

– Прямо здесь? Сейчас? В смысле можно, конечно, только… а это прилично?

Гончие при появлении устроят тарарам, а тут все эти важные персоны. Вряд ли их защитят от шума наушники и коконы. И вряд ли им понравится быть разбуженными собачьей стаей.

Хотя Гончим-то все понравится. Иногда мне кажется, что красоваться перед публикой им так же важно, как есть манну. Или это для них тоже что-то вроде манны?

Проводник окинул взглядом спящих пассажиров и снова обернулся ко мне. Глаза его сияли счастливым блеском. Я не удержалась и тоже слегка ему улыбнулась. Ну вот оно, начинается. Ладно, мне-то призвать Гончих пара пустяков, но даже для поселенцев у нас на Горе это было что-то из ряда вон, настоящее событие. А уж какое это будет событие для человека, который в жизни только и делает, что обхаживает богатеев в поезде!

– Игровой вагон свободен! – радостно выпалил проводник.

Я кивнула, вылущилась из своего кокона, как орех из скорлупы, и скользнула в проход. Мы с проводником миновали еще два вагона с безмолвными коконами и добрались до игрового. По дороге мы подцепили еще двоих проводников. Один остановился и пошептал что-то в решетку в конце вагона. Наверняка внутреннее переговорное устройство или что-то в этом роде.

Проводник не соврал: в конце концов мы очутились в пустом вагоне. Бар-автомат засверкал огнями, но, убедившись, что напитки нас не интересуют, перешел в режим ожидания. Игровые консоли и игорные столы при нашем появлении не издали ни звука.

В глубине вагона нашлось свободное место, рядом со сложенными тренажерами. Туда я и направилась. Сейчас мне предстояло выступление перед зрителями, причем зрители все подтягивались и подтягивались. Проводник, который пошептал что-то по переговорнику, видимо, разнес по всему поезду новость, что тут ожидается шоу. Поэтому я немного нервничала: напоказ я никогда Гончих не призывала. Обычно люди видят Гончих, когда те уже со мной. Я закрыла глаза и вообразила мандалу. И мое сознание распахнулось навстречу Потусторонью.

Мандала – это, разумеется, моя мандала, та, которой отмечены мои ладони. Это татуировка, но она пробита по линиям подлинной мандалы. Мандала любого Охотника – это круглое по форме изображение, но у всех этот круг разный. Они красивые, эти мандалы, прямо загляденье. Тот, кто не в курсе, решит, что это украшения, изящные татуировки. Мандала состоит из внешнего круга, в него вписан круг из маленьких значков – у каждой Гончей свой значок. Внутри него еще один круг или другая фигура: треугольник, квадрат или шестиугольник. В фигуре могут быть символы, а могут и не быть, но там всегда присутствует восьмиконечная звезда из двух наложенных друг на друга квадратов. Ну и в самом центре еще один символ – это и есть сам Охотник. Кто умеет читать символы, сможет сказать, сколько у Охотника Гончих. Правда, на мандале есть

еще много всякого, чего никто прочесть не сумеет. Наши мандалы похожи на буддистские или индуистские сакральные изображения, какие хранятся в Монастыре, но надписаны они не на тибетском языке и не на санскрите. Мандала начинает жечь ладони Охотника, когда пробуждается его магия, когда происходит что-то по-настоящему страшное, связанное с пришлецами. Тогда, если ты рожден Охотником, Гончие впервые откликнутся на твой зов, и их явление из Потусторонья навеки выжжет мандалу у тебя на ладонях.

Я закрыла глаза и тремя размашистыми движениями нарисовала в воздухе Зовущие Письмена. Сейчас я открою глаза – и увижу горящие Письмена, запечатленные прямо в воздухе. Огонь – это вроде как мой собственный почерк, а так все Охотники пользуются одними и теми же тремя Письменами. Они похожи на руны, или это руны и есть – но в таком случае никому не ведомо, как они расшифровываются. Письмена сообщают Гончим, что Охотник призывает их. Мои Письмена, выведенные пламенем, выглядят чрезвычайно зрелищно. Мне самой это странно, потому что я вечно вся в себе, а когда на меня все смотрят, я чувствую себя голой.

Резким движением я сбросила Письмена наземь, и они остались пылать на коврике. А я отворила Путь. Если интересно, могу описать, каково это – отворять Путь. На самом деле ощущение – будто я всем нутром тянусь через Письмена и открываю дверь. Ага, звучит странновато. Но действительно чувствуешь что-то в этом роде. Письмена сотворяют дверь, но в то же время они как бы запечатывают ее, чтобы никто не мог пройти, кроме Гончих. Ну все, я открываю глаза. Сейчас посмотрим, как они выскочат из ниоткуда на глазах у изумленной публики.

Если честно, это никогда не надоедает. Всякий раз дыхание захватывает и ты думаешь: «Ух ты, да ведь это мои Гончие! Это я их привела, не кто-нибудь!» И для меня это всегда как если бы мои самые любимые друзья все вместе вваливаются ко мне в комнату, а я мысленно прыгаю от радости и кричу «ура-ура!». У меня всегда это так, даже если я призываю Гончих перед трудной битвой.

Кто-то из наших зрителей испуганно вскрикнул; все семь Гончих повернули морды в его сторону и посмотрели на него пылающими глазами. На угольно-черных шкурах плясали отсветы пламени. У некоторых Гончие всегда в одном обличье, а у меня в разных. Нас таких только двое на Горе – Охотников, у которых Гончие могут менять облик. Один из них – это мой Учитель Кедо, а

вторая – я. Сегодня Гончие выбрали быть черными грейхаундами, что очень кстати: все-таки в вагоне места не так много, и к тому же вид у них получился достаточно внушительный, но не жуткий. Ну, и в своем обычном обличье они бы точно сюда не вписались.

– А с виду как обычные собаки, – неуверенно протянул один из проводников.

Ча, вожак стаи, покосился на меня через плечо и ухмыльнулся по-собачьи. Я не успела ему помешать: он резко мотнул головой и обдал скептика струей пламени. Проводники завопили, но я вовремя успела вклиниться между ними и пламенем, взяв удар на себя.

– Иллюзия, – успокоила я проводников, и паника улеглась.

Насчет иллюзии я приврала. Ча обычно призывает пламя, чтобы кого-нибудь или что-нибудь спалить. Но штука в том, что Гончие могут выворачивать наизнанку законы физики. Так что попытайся я объяснить все проводникам, у бедняг бы мозги взорвались. У меня у самой они едва не взорвались, когда Гончие впервые показали мне свои таланты.

После этого Гончие переключились в режим суперзвезд. Они купались в лучах славы. Всем хотелось их потрогать и потискать, и Гончие благосклонно принимали тонны ласки и восторгов. Наверное, это потому, что уже две недели Охоты не было и они затосковали, решив, что не получили своей законной доли обожания. Когда они в собачьем обличье – от них глаз не оторвать: мягкая шерсть блестит, как древний шелк, с которым я работала у нас в Монастыре.

Сейчас мне не потребовалось отпускать их – они сами ушли. Утомившись, они подошли к горящим на полу Письменам и прыгнули сквозь них в Потусторонье. Ча прыгал последним – по-моему, люди нравятся ему больше, чем всем остальным из его стаи, – и когда он прошел, Письмена исчезли. Публика еще какое-то время не расходилась: проводники засыпали меня вопросами о Гончих. Я чувствовала себя не в своей тарелке, но они расспрашивали не обо мне, а о стае, поэтому я сумела выдавить из себя хоть что-то членораздельное. А потом в конце вагона трижды тренькнуло. Проводники засуетились и поспешно разошлись по своим делам. Со мной остался только проводник из моего вагона. Я же вроде как его подопечная.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – предложил он, встав у бара-автомата. – Ты не стесняйся, он тебе смешает почти все, что душе угодно. – Он застыл в ожидании моего ответа – рука зависла над кнопками.

Я задумалась. Предложение немножко пьянящее и немножко пугающее. Мне прежде как-то не доводилось получать все, что душе угодно.

Но проводник же сам сказал: «Почти все, что душе угодно». В этом «почти» весь фокус. Мне сейчас было угодно развернуть поезд вспять – пусть бы он унес меня назад, домой. На мгновение меня накрыло тоской по дому. Но я натянула лицо Охотника, как меня учили.

– А ты сам выбери, хорошо? Я же не знаю, какие там опции. Мне что-нибудь успокаивающее, и сладкое, и горячее. Но чтобы без всякой дури и алкоголя, – сказала я, а сама подумала об обычном сладком чае.

Сладкий горячий чай мне нравился куда больше, чем масляный, который пили некоторые Учителя. Правда, «чай» – это только так, название. Натурального чая на континенте больше не достать. На самом деле это травяной отвар, но с натуральным маслом. Коровы в горах не живут, зато козы и овцы – пожалуйста. Мы в Монастыре держим и тех и других. Иногда коровье масло нам доставляют из поселений, но чаще мы обходимся тем, что дает наше стадо.

– Ага, кое-что есть на примете, – кивнул проводник и принялся колдовать с баром-автоматом.

Он принес мне густой коричневый напиток с каким-то удивительным запахом. Я отпила глоточек: необычно, но вкусно. Что-то сливочное и сладкое.

– Горячий шоколайк, – пояснил проводник и поманил меня за собой.

Я двинулась за ним, потягивая коктейль.

В тамбуре перед моим вагоном он замедлил шаги:

– А если… если что-нибудь стрясется, ты и твои Гончие… вы ведь нас защитите, да? Спасете поезд? Мы ведь с вами продержимся, пока помощь не подоспеет,

да?

Хороший вопрос. Предположим, на поезд нападет нечто и впрямь настолько громадное и чудовищное, что проволочная клетка не выдержит. Но тогда поезд просто-напросто потерпит крушение – и при нашей скорости от противоударных капсул толку не будет. Даже если кто-то из нас и выживет, все будут ранены или без сознания и сделать ничего не смогут. До Пик-Цивитаса слишком далеко, и Элита не примчится на выручку. А если обойдется без крушения, то оснащенные оружием локомотив и задний вагон куда более надежная защита, чем мы с Гончими. Я это к тому, что там же бронебойные пулеметы с заговоренными пулями. А про некоторые поезда болтают, что они оборудованы небольшими пусковыми установками с ракетами «Геенна». У меня, к несчастью, очень буйное воображение, и за считаные секунды я много чего нафантазировала.

Но, перед тем как отправить в цивилизацию, Учителя меня наставляли: люди будут относиться к тебе совсем не как дома. Там, внизу, об Охотниках складывают легенды. То есть на Горе нас тоже уважают, и даже очень; там все знают, что служба у нас нелегкая, и нас почитают как искусных воинов. Но никто не смотрит на нас как на небожителей.

Там, на Горе, видролики о жизни в цивилизации нам показывали не часто – к общей энергосети мы подключены не были, и электроэнергию приходилось экономить для разных важных дел. Поэтому большой видэкран в общинном зале мы разогревали только ради официальной информации или всякого антиквариата на дисках или выносных винчестерах – это все можно смотреть, используя солнечную панель. И еще нам приходила недельная почта. Не то чтобы нам не хватало электроэнергии – нет, ведь у нас горел свет, и связь работала, и интрасеть не выключалась, – но нас всегда учили быть бережливыми, не тратить попусту. Такое мировоззрение восходит к эпохе Дисерея, когда ни у кого ничего не было и все приходилось добывать правдами и неправдами. «Семь раз отмерь – один раз отрежь», – так говаривали в те времена. Когда детей учат чтению и письму, это первое, что им велят набрать.

Тут-то меня и осенило: весь этот мир за Горой, все эти цивы – то есть обычные жители городов, – они ведь все поголовно верили видроликам. А ролики вещали им, что Охотники способны спасти мир от любого зла. И мне пришло в голову, что ведь откуда-то это взялось.

Надо ли восстанавливать справедливость и разрушать иллюзию в голове у проводника? Определенно об этом стоит поразмыслить, прежде чем отвечать на его вопрос. Семь раз отмерь – один раз отрежь.

– Да, – просто ответила я. – Только тебе надо будет забыть о моем возрасте и выполнять что я прикажу.

Гончие свое дело сделали: теперь я в его глазах навеки овеяна ореолом таинственности. Поэтому лицо проводника просветлело, и он, облегченно выдохнув, открыл передо мной дверь и жестом пригласил в вагон.

Я устроилась на своем сиденье как для медитации: уселась в позе лотоса и принялась потягивать свой напиток. Раз проводник задает мне такие вопросы, должно быть, мы проезжаем какие-то жуткие места. Мне уже всерьез не терпелось выглянуть из окна, хотя по спине у меня так и бегали мурашки. Неведомое и незримое – вот что меня больше всего страшит. В ту ночь в Анстоновом Роднике я с чем-то таким и столкнулась – с самым страшным из страшного. Я тогда не могла толком разглядеть, что там на меня надвигается – сплошные сполохи, зубы, глаза, когти. Какие-то чудовища из Потусторонья были мне знакомы, но не все. Некоторым мы даже еще и имен не подобрали, а иные пришли из чужих мифов, и о таких чудовищах мы пока книг не написали. Нет ничего страшнее того, о чем не ведаешь.

Среди народа, живущего при Монастыре, ходят разные слухи о том, из-за чего случился Дисерей. Так принято называть то время, когда старый мир с его видроликами, поездами, самолетами и всем таким вдруг перевернулся с ног на голову. С тех пор минуло примерно два с половиной века или чуть больше.

Проводник что-то выстукивал на клавиатуре. Свет в вагоне сделался еще более тусклым. Я превратилась в размытое пятно на затемненном окне.

Интересно, а люди вроде проводника задумываются о таких вещах? Другие Охотники в нашем Монастыре как-то не особо, а вот я задумывалась.

Я знала про извержения вулканов и землетрясения – потому что остров Калифорния был когда-то частью континента. Есть еще вулкан Старый Брехун, он там, где раньше был парк, и все еще плюется пеплом на авиакорпус, а еще Олимпус на северо-востоке – так тот смел с лица земли целый город. Каждый

раз, когда ветром приносит пепельный шлейф, мы надеваем маски и не снимаем их, покуда не осядет пепел. Из-за пепла в небесах снег на склонах гор лежит круглый год.

Я уставилась на свое отражение в окне. Мои темно-русые волосы окутывали лицо тенью. Хорошо все-таки, что мне не выпало жить в те времена. И сейчас-то жизнь не сахар, а уж что тогда творилось – и представить страшно.

Я перевела взгляд на проводника, и тот приблизился.

– Я могу тебе чем-то помочь, Охотница? – спросил он. – Может, рассказать тебе что-нибудь про Пик-Цивитас?

Почему бы и нет? Мне же надо дурочку из себя строить, а это как раз подходящая тема.

– А что вам, цивам, рассказывают о Дисерее? – поинтересовалась я. – Я что-то об этом слышала, правда маловато. Да ты садись, а то у меня шея затекает снизу вверх смотреть.

Проводник как-то неуверенно на меня покосился, но поскольку я вся съежилась в своем кресле и места хватало, он осторожно присел на краешек, стараясь держаться как можно дальше от меня. Из почтения, не иначе.

– Мы об этом много не рассуждаем. – Он пожал плечами. – В школе этой теме уделяют пару дней, да и то внятно ничего не рассказывают, больше втолковывают насчет благодарности: дескать, вы живые – вот и радуйтесь. Будто бы была чума, но с ней справились. Бури усилились, и тут мы не справились: вот поэтому один только авиакорпус летает, а мы ездим на поездах. Северный и Южный полюса поменялись местами, и с этим мы тоже ничего не смогли поделать. А еще был ядерный взрыв, который нарочно устроили Христовые на другом конце Земли. Ну и Вторжение, а с ним – магия и чудовища.

Я кивнула. У нас в Монастыре нашел приют самый разношерстный народ: фермеры, охотники – не такие, как мы, а которые охотятся, чтобы есть, – ремесленники, пара солдат. И я читала их дневники. Они все сообща построили Укромье, первое поселение. Возвели его у подножия Горы, там, где круглый год не сходит снег. Сам-то Монастырь появился еще до Дисерея. Его основали

тибетские буддисты, но к тому времени, как все рассосалось, оказалось, что в Монастыре собрались последователи чуть ли не всех религий, кроме Христовых. Сейчас там жили приверженцы всяких языческих культов – кельтских, и скандинавских, и античных, а еще шаманисты и несколько коренных американцев, среди которых мой Учитель Кедо, плюс монахи из Шаолиня, парочка индуистов и парочка Учителей-синтоистов. Единственное, что их всех объединяло, – это магическая традиция, заложенная в каждой религии. И эта традиция помогла им разобраться, кто такие пришлецы и как с ними бороться. И еще обитателей Монастыря сближала решимость трудиться сообща, чтобы помогать друг другу и всем приходящим к нам в поисках убежища.

– Почему ты спросила? – полюбопытствовал проводник. – А у вас что говорят?

Я поделилась с ним только частью правды:

– Мы читаем в основном то, что осталось от предшественников. У нас в горах есть что-то вроде учебников, где написано, как не надо поступать. Но там ничего не говорится о том, что творится в других краях, и о причинах всего, и о том, что делает народ в Пик-Цивитасе. Там все больше о наших делах, понимаешь, да?

Конечно, я не могла ему раскрыть всю правду. У Монастыря ведь, наверное, самое богатое собрание свидетельств о былых временах. Но Монастырь – это настоящая аномалия; вряд ли где-то еще существует что-то похожее, по крайней мере на континенте. Хотя… континент-то огромный. Уже не одна сотня лет прошла, а тут по-прежнему попадаются всякие изгои, и военные диктаторы, и места, где люди затаиваются и как-то выживают вдалеке от всех.

– Ну, – протянул он, – в окрестностях Пика мир спасали военные. На Восточном побережье, где Пик-Цивитас, военных объектов видимо-невидимо. Готовый костяк обороны. В поисках защиты народ стекался туда. Как объявились первые Охотники, они тоже двинулись туда. Так и получился Пик-Цивитас. Целая толпа реально толковых инженеров и строителей, да еще военные. Ну и Охотники, когда надо, встают на их защиту.

Он только вскользь упомянул о Христовых. Сказал то, что все и так знали: группа фанатиков устроила ядерный взрыв. Такое впечатление, что Христовых в Пике немного. Тогдашние Христовые думали, что настало время их Апокалипсиса.

Учителя говорили нам, что Христовые верили, будто вознесутся на небеса, а все остальные, кто не с ними, сгинут в страшных муках или будут терзаться столетиями. Но ничего такого не произошло, и некоторые из Христовых решили, что Апокалипсису надо бы дать толчок, а то он барахлит, как дряхлый мотор. Вот они и жахнули ядерный взрыв в том месте, где когда-то был Израиль. На небеса никто из них не вознесся, ни одна душа. Они поумирали, как и обычные люди. В общем, не вышло никакого Апокалипсиса, а вместо него вышел Дисерей.

– А рассказывают, из-за чего он произошел? – спросила я. – В смысле Дисерей. И Вторжение тоже.

– Может, из-за смещения полюсов, может, из-за ядерной бомбы. Или из-за всего вместе. – Проводник покачал головой. – А может, из-за чего-то еще, о чем мы не знаем.

Меня учили совсем не так. Учителя говорили, что это случилось не в одночасье, что все кругом становилось хуже и хуже, и только потом взорвались эти бомбы. А из-за бомб уже случилось Вторжение.

Однако даже Учителя не знают наверняка. Единственное, что они знают точно – это то, что посреди всяческих напастей вдруг явились пришлецы, а вместе с ними и магия.

Я все потягивала свой напиток.

– Иногда мне кажется, что все случилось как в книжке, которую я читала маленькой. Там девушка по имени Пандора открывает ларец, и оттуда разлетаются по миру все бедствия и невзгоды.

Проводник улыбнулся:

– А на дне ларца Пандоры оставалась надежда, да? Надежда – это Гончие, верно?

Я тоже улыбнулась, вдруг обрадовавшись, что он тоже читал эту книжку. Большая часть пришлецов – чудовища: драккены, кракены, левиафаны, гоги и магоги, фурии, гарпии и твари, для которых у нас нет имен. Твари из мифов и

религий со всего мира. Твари, не упомянутые ни в одном мифе. Даже сейчас появляются новые чудовища. Но с первыми чудовищами сюда пришли Гончие. И если бы не Гончие, я думать боюсь, что бы с нами сталось.

– Если уж считать кого-то надеждой, то только Гончих, – согласилась я.

Тут у проводника забибикал переговорник, и ему пришлось вернуться к работе.

А я вздохнула и допила свою сладкую вкуснятину. Жалко, я не могу призвать Ча, чтобы спать с ним в обнимку. Хотя на кресле ему все равно не хватило бы места. Путь меня ждал долгий. Очень много ресурсов идет на безопасность поезда, поэтому с ветерком не прокатишься – защитные системы тут же накроются. Завтра целый день и еще одну ночь мне ехать в этом поезде, который увозит меня из самого сердца гор, что некогда звались Скалистыми, к Восточному побережью. Поезд доставит меня в Пик-Цивитас, который есть пуп земли и центр всего, и там я выясню наконец, почему дядя послал именно за мной, а не за другим Охотником. Еще день и ночь – чтобы уединение слилось с одиночеством. Чтобы свыкнуться с тоской по дому.

Эту тоску не заглушить даже сотней сладких коктейлей. Я уже скучаю по всем и готова признать: я вся на нервах и мне страшно. Дядя как-то связался с Монастырем и сказал, что нам нужно срочно отправить в Пик-Цивитас какого-нибудь Охотника для обучения и службы. Иначе из Пика прибудут эксперты и сами кого-нибудь найдут. Я сразу догадалась, что эксперты нам ни к чему. Они примутся все разнюхивать, выискивая Охотников, и еще, чего доброго, увезут всех Охотников в Пик. А нам этого никак не надо. Но почему дяде вздумалось затребовать в город именно меня – вот загадка.

Ну да, наверняка вы сейчас подумали: если эти ребята из Монастыря так и рвутся всем помогать и всех спасать, почему же они сами не в Пик-Цивитасе? Могли бы хоть Охотников туда отправлять. Вряд ли я смогу объяснить во всех подробностях, но вроде бы Учителя не очень-то полагаются на правительство. Они говорят, правительству больше не стоит доверять. А Учителя, по-моему, никогда не ошибаются. Поэтому наших Охотников мы держим при себе – ведь неизвестно еще, станет ли правительство нас защищать.

Своего дядю я в последний раз видела, когда он препоручил меня заботам монаха в желтом одеянии. Вероятно, мы добирались до Монастыря на поезде,

хотя я этого не помню. Я была то ли ранена, то ли без сознания, то ли мне дали успокоительного. Монахи рассказали мне, что нас была целая толпа – детей, которых эвакуировали с места явления пришлецов. Явлением называют лавину чудовищ, которая обрушивается на город и сметает все на своем пути, как в Анстоновом Роднике. «Выжившие» – так говорили про нас; дядя привез меня и еще нескольких ребятишек, у которых совсем не осталось родных. Их быстро разобрали по семьям. А меня взяли Учителя. Теперь-то ясно почему. Они уже тогда видели, что я смогу овладеть магией, и решили, что из меня выйдет Охотник. Такие вещи они обычно хорошо видят. Отца и мать я смутно помню, но вот само явление начисто стерлось из памяти. Чем больше об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь: меня напичкали какими-то таблетками. Для моего дяди-холостяка орущий карапуз – то еще испытаньице. Но то, что он меня оставил в Монастыре, не значило, что он меня бросил. Я его запомнила по той ночи, и он с тех пор писал мне письма, по меньшей мере раз в неделю, и подарки дарил по каждому поводу, а я на него смотрела в новостях, и с каждым годом он все больше седел и лысел. Дядя очень важная персона – префект полиции, и все Охотники, которые не служат в армии, подчиняются ему.

Вот поэтому-то я и сижу в поезде с другими важными персонами и их родней. Не будь мой дядя столь именитым, меня бы подбросили до Пик-Цивитаса на военном транспорте, и дело с концом. Все Охотники-новички так и путешествуют.

Я сидела и обдумывала все, что знала. Мне пришло в голову, что дядя послал именно за мной потому, что хочет показать всем: вот, смотрите, мои родственники – они как все. Если уж его родная племянница оказалась Охотницей, то пусть как миленькая едет в Пик, нравится ей это или нет.

Мне это не нравилось, чего уж там. Но так было по-честному.

Наконец от теплого питья меня потянуло в сон. Свернуться калачиком и как следует поплакать оттого, что меня разлучили со всеми, кого я знаю, – вот чего мне хотелось. Но с поднятым коконом это делать не очень-то удобно. Поэтому я натянула кокон, закуталась в него и улеглась на мягкое кресло. Но туго застегивать кокон я не стала. Может, проводник парень робкого десятка. А может, он недаром интересуется, сумеем ли мы с Гончими его защитить.

Я Охотница, а Охотники, если хотят дожить до преклонных лет, всегда готовятся к худшему. Поэтому я не стала расстегивать ремень безопасности под

коконом, и разуваться тоже не стала. И кокон опустила не до конца.

Оказаться бы сейчас в своей комнатке, чтобы меня хранили крепкие монастырские стены из камня и дерева и чтобы между мною и пришлецами лежал снег! Этот кокон был уютнее и мягче моей кровати, но я бы все равно предпочла свою кровать. Мне не хватало звуков Монастыря – монахи и Учителя постоянно исполняли какие-нибудь религиозные ритуалы посреди ночи, и это было частью обычного распорядка: когда привыкаешь, начинаешь слушать эти звуки как колыбельную. Мне ужасно не хватало запахов – ладана, снега, завтрака, который не спеша начинали готовить с вечера. Я скучала по теплым шерстяным одеялам, чуточку пахнущим овчиной, и о далеком свисте ветра в еловых ветках.

Но больше всего я тосковала по другим Охотникам. По уверенности, что ты не одна и что, если нагрянет беда, рядом встанут твои товарищи. Из-за того что мне так о многом приходилось скучать, сон никак не шел. Наконец я заснула, но спала чутко.

Глава 2

Наутро важные персоны и не подумали просыпаться. Они продолжали нежиться в уютной темноте приват-капюшонов. А вот я проснулась рано и сразу стряхнула с себя сон. Охотник всегда так просыпается, если он не болен. Нас этому учат так долго и въедливо, что навык почти превращается в инстинкт. Затемнение с окон убрали, и можно наконец посмотреть, что делается за прутьями клетки.

Мы едем по открытой местности. Кругом одни плоские поля. То есть это они по моим меркам плоские. Я знаю, я все время говорю «Гора» как бы с большой буквы, но на самом-то деле я имею в виду одну из многих гор, на которой стоит Монастырь. Я привыкла, что вокруг меня вздымаются вершины, что они заслоняют собою небо, что снег на склонах летом сходит только наполовину. Поэтому плоское поле – это… это что-то новенькое. И, надо сказать, это даже круто. Я в жизни не видела столько неба. Я мигом сообразила, где мы: перед отъездом я изучила карту всего маршрута и посмотрела, как тут все выглядело до Дисерея. Мы сейчас пересекаем места, где колосились бескрайние поля пшеницы и паслись бессчетные коровьи стада. Пшеница, кстати, никуда не

девалась, так и качалась себе на ветру. Но теперь вперемежку с пшеницей тут чего только не качалось: сорняки, дикие травы, всякие полевые цветы и какие-то странноватые овощи. Короче говоря, всякая живучая трава, от которой коровы воротят нос. На старинных снимках все поле выглядело ровненьким, однородным – целый пшеничный океан одного цвета. А сейчас здорово бросалось в глаза, что все поле – как из заплаток разных цветов, и высота у растений разная. У меня от восторга даже под ложечкой засосало: я такую плоскую землю видела только на фото да в очень старых роликах. А когда смотришь своими глазами – это совсем по-другому. Ровный горизонт – с ума сойти!

Коровы с быками тоже были на месте, только они одичали. Людей эти звери в глаза не видели – если только люди на них не охотились, как в давние времена охотились на бизонов. Нынешние коровы даже отдаленно не напоминали своих предков из книжек по истории. Те были жирные, упитанные, как мясные бочонки на ножках, – знай себе разгуливали по зеленым лугам и горя не знали. А эти быки вроде тех, что попадаются в долине у подножия Горы: дикий взгляд, вечно настороженные и сухощавые, как козы. Они прытко бросались вскачь от идущего поезда, а потом замирали где-нибудь поодаль, оборачивались и недоверчиво глядели нам вслед, точно боясь, что поезд возьмет и выскочит из своей клетки. Ребята из поселений у нас на Горе поймали и приручили несколько таких. Но с ними столько мороки: их и не накормишь толком, и надо все время следить, чтобы не сбежали. Большинство предпочитают не связываться. Вот коз и овец содержать куда проще. И они спокойно переносят, если их загоняют в снег, чтобы защитить от чудовищ.

В небе кружили какие-то создания – не птицы. Гарпии, сообразила я, присмотревшись. Видно по силуэту. У них огромные скругленные крылья, но Учитель Кедо рассказывал мне, что летать гарпиям не полагается. Он говорит, скорее всего это магия удерживает их в воздухе. Я их гоняла сто раз, и нескольких мы убили. Они вроде огромных грифов, только конечностей у них не две, а четыре, а голова при плохом освещении сойдет за человеческую. Голова лысая, как у грифов, и для той же самой цели: и те и другие запихивают ее прямо внутрь тела, которое пожирают – если размеры тела позволяют. Рыло у гарпий тупое, а в пасти полно острых зубов, чтобы рвать мясо.

Гарпии, судя по всему, ждут, пока какая-нибудь корова не околеет по собственной глупости. Гарпии ведь не охотятся; они падальщики, как и грифы, и к тому же трусливые. Бояться их нечего – разве что на тебя налетит целая стая

или ты ростом с двухлетку. Чем я горжусь, так это тем, что, как я стала Охотницей, мы не отдали гарпиям ни одного малыша.

Но вдалеке что-то горело. Дым валил довольно густо и был черноватого оттенка – значит, горят какие-то здания. Я прищурилась: там, откуда шел дым, я различила какое-то движение. Если я его вижу на таком расстоянии – значит, там что-то очень большое. Наверное, драккен или гоги с магогами. Точно, я же слышала об этом еще до отъезда. То, что горит, – это Вешнедол, точнее его руины. Вешнедолу, надо сказать, повезло. Жители его покинули до того, как туда вломился драккен и разжег там пожарище. Но возвращаться туда уже нет смысла; драккен устроил в Вешнедоле гнездо: нечего и думать отбить назад свой город, если там поселился драккен, проще улететь на Луну. И Элит-Охотники не придут на помощь, чтобы отвоевать город назад. Даже Элите не по зубам стая драккенов, если те замыслили строить гнездовье. Раз уж жители Вешнедола сами сумели выбраться из опасной зоны, задача военных – подыскать им новое поселение. Понятно, почему проводник так нервничал вчера вечером. Один драккен, может, и не совладает с поездом, но стая – запросто. Анстонов Родник драккенам не глянулся. В той битве ни одного драккена не было. А если был бы, то неизвестно, как бы мы справились. Вероятно, сдались бы, отдав им деревню под гнездовье, а вернули бы ее, когда драккенов прогонит снег.

Я ни разу не вела Охоту на драккена. И никогда не слышала, чтобы кто-то вел. Учителя рассказывали, что были случаи, когда драккена убивал целый отряд Охотников – четверо или больше. Элит-отряд тоже в принципе уложит драккена, но в последнее время такого что-то не случалось. По крайней мере, в сводках официальных новостей, которые мы пытались смотреть, ничего такого не проскакивало. Драккены дышат огнем, они огромные и стремительные – против чудища с таким набором характеристик здесь, посреди чистого поля, у тебя шансов ноль. Или мне так кажется потому, что даже после нанесения удара надо еще как-то ухитриться, чтобы тебя не превратили в шашлык.

Поезд, коровы и горящий город – больше как будто ничего особенного тут нет. Но это только на первый взгляд. В таких вот безвредных с виду местах обычно и таятся самые жуткие опасности. Ты думаешь – никого тут нет, а там засел кто-нибудь, затеявший тебя убить.

Некоторые твари совсем безмозглые. У них в голове одна мысль: «Люди – это очень-очень вкусно», поэтому они и готовы тебя убить. Для пришлецов мы прямо коронное блюдо: чем моложе человек, тем он аппетитнее. Если не изучать

магию – а большинство людей ее не изучают, – то не очень понятно, почему это так. А на самом деле все из-за манны. Манна – это сырая магическая энергия. Ее вырабатывает все, что есть на свете, но люди больше всех. К тому же мы рождаемся, полные ею до краев, поэтому дети и вкуснее взрослых. Манна – одна из причин, по которой Гончие работают со мной; мы вместе можем выслеживать богатую манной добычу, и вся манна достается им – мне-то ведь она не нужна.

Но среди тварей есть и умники. Вот они-то опаснее всего, и люди их почти никогда не видят. Их называют Жители. Они убивают людей по каким-то только им ведомым соображениям. А мы не можем уразуметь, что это за соображения, потому что Жители с нами не разговаривают, разве только по особым случаям, да и то они либо бросают нам вызов, либо изъясняются загадками. Они живут в разных местах, в том числе на острове Калифорния. Точнее, Жители им владеют. Многие люди их вообще в глаза не видели. А те, кто видел, – это в основном Охотники. Они могут рассказать об увиденном лишь потому, что сумели убить Жителя прежде, чем тот убил их. Властны ли Жители над остальными тварями? Иногда да. А вдруг это Жители устроили Вторжение? Или они умело его использовали? Кто знает.

Цивы о Жителях вообще не подозревают, потому что правительство на этот счет помалкивает. То есть это слова Учителей – они сказали это перед тем, как отправить меня в Пик. Будь осмотрительной, если придется говорить о Жителях в цивилизации, предостерегали они. Напутствуя меня, Учителя строго-настрого запретили мне даже заикаться о Жителях, если только в моем присутствии о них не заговорит кто-то очень влиятельный. А до тех пор мне надо делать вид, что никаких Жителей не существует. Мы-то на Горе знаем, мы все в курсе – и это благодаря Учителям, которые ничего не утаивают. Учитель Кедо считает, что армия и правительство, которые сидят в Пик-Цивитасе, предпочитают держать обычных цивов в неведении относительно разумных существ, которым много чего подвластно.

Я смотрела в окно – и вдруг меня накрыло этим моим особым чувством. Когда мурашки бегут по коже и в то же время возникает ощущение какой-то неизбежности. Это не как у Псаймонов, я же не Псаймон. Учитель Кедо говорит, это потому, что я чувствительна к магическому присутствию тварей. Если тварь достаточно могущественная, я даже могу сказать, где она.

Словом, я почувствовала присутствие Жителя. Может, он даже и не один, издали не разберешь. Вешнедол пал не просто так, а по воле Жителей. К счастью, мы

вот-вот его проскочим. Едем мы быстро, так что, возможно, Жители нас не заметят. Явление – страшная штука и без Жителей. Но теперь ясно, почему население Вешнедола успело спастись. Жители им позволили, придержали чудовищ, пока город не опустел. Зачем? Да черт их знает. Жители все время совершают какие-то поступки, почти или начисто лишенные логики. Кстати, не исключено, что правительство помалкивает насчет Жителей еще и поэтому. Мир и так-то кишит чудовищами, против которых человек бессилен. Но те хоть предсказуемы. А разумные и совершенно непредсказуемые чудовища – это определенно уже перебор. Идеальный повод для паники.

Я перенаправила свои мысли на мой символ – Один Белый Камень. Это мое средоточие, предмет, на котором я фокусирую внимание, если есть угроза проникновения в мое создание. Этому фокусу научили меня Учителя. Насколько мне известно, я единственный Охотник, который к нему прибегает, хотя Учителя всех родов и мастей им вовсю пользуются. По-моему, до Вторжения все Учителя были Чародеями, оставаясь при этом служителями своих религиозных культов. Просто свое чародейство они не особо афишировали. Я так думаю, потому что сейчас-то они обучают нас магии по книгам и традициям, которым уже не одна сотня лет. Взять, к примеру, моего наставника, Кедо Патли – вся его магия ведет происхождение из места, когда-то звавшегося Мехико. Двое Учителей из индейцев-навахо обучают двоих из нас Пути Победителя Чудовищ. Ивар Торсон – тот знает все о древнескандинавских тварях и обучает Ренни Клей, а леди Рианнон и ее группа отвечают за кельтскую магию, у них учатся старая Мэри, Хадсон, Большой Том и Маленький Том. Помните, я же говорила: у нас каждой твари по паре. Наш Монастырь пестрит как калейдоскоп: тут роспись и резьба, вышивка и ткани – все самых разных стилей.

Гончим известно, что, когда мой разум сосредотачивается на Одном Белом Камне, мне грозит опасность. У себя в Потусторонье они почуют неладное и приготовятся к призыву.

Говорить или думать о Жителях – опрометчиво. Некоторые даже считают, что если думать о них, то тем самым как бы зовешь их из Потусторонья. Тут я точно не скажу, но в одном уверена: когда о Жителях думают, это привлекает их внимание.

Дым растаял позади, и меня немного отпустило. Я даже принесенный проводником завтрак умяла с аппетитом. Среди Учителей встречаются вайгены: они едят только растительную пищу, а животную – если она не связана с

убийством, скажем масло или яйца. Но большинство в нашей обители всеядно, так что копченый бекон и яйца мне были не в диковинку. Хотя в беконе я заподозрила мясо клон-свиньи, выращенной в резервуаре, – наверное, второе поколение клеток живого борова. На вкус довольно пресно, и на зубах как-то непривычно – я тут же с грустью вспомнила суховатый «дикий» вкус нашего бекона, который делался из свиней, гулявших на воздухе. Но зато проводник принес мне какой-то оранжевый сок и еще шоколайка. У нас был кофе; кофе обычно растет в горах, и мы научились выращивать его у себя на склонах. Кофе я очень люблю, но и к таким напиткам легко привыкну. И еще на завтрак подали тост из непривычного для меня хлеба. Наш хлеб не был по-настоящему белым; мы пекли его наполовину из люпиновой муки, а наполовину из всякой мешанины – хлеб получался темный, плотный. А этот и на хлеб-то не похож. Нет, он очень даже ничего, особенно с маслом, даже немного изысканный. Как торт, только несладкий. А вот желе я отодвинула и есть не стала. С нашим не сравнить. У цивов оно какое-то несытное, сладкое без всамделишной сладости.

Я мысленно отделяла «нас» от «цивов» – у нас все так говорят и думают. Хотя, если по-правильному, мы, обитатели Горы, тоже как бы цивы. Но сами мы себя так не зовем – разве что когда говорим с чужаками. «Цив» – это сокращение от «цивис», по-латыни «гражданин». Цивисами, то есть гражданами, являются все, кроме преступников вне закона, детсадовцев, выживальщиков, ополченцев и военных. В давние времена, когда вооруженные силы взяли под защиту всех, кого могли собрать на Восточном побережье, народ разделили по такому принципу. Каждый был либо солдатом, либо Охотником, либо цивом. Когда построили Пик-Цивитас, это разделение сохранили для удобства. Но мы используем словечко «цив» на свой манер. «Цивис», между прочим, переводится еще и как «горожанин» – тот, кто живет в цивилизации. По-нашему цив – это городской житель.

Но в глаза мы их так не зовем. Потому что иначе выходит, будто мы задаемся: дескать, мы особенные и думаем не как все. Зачем нам привлекать внимание? Ни к чему, чтобы в Монастыре объявились военные и принялись рыскать по всем углам. Мы не хотим никому отдавать своих Охотников и не хотим, чтобы о Монастыре прознали те, кому о нем знать не надо. Мой дядя знает о Монастыре, но тут другая история. Он на пятнадцать лет старше моего отца и вырос в Укромье. Монахи рассказывали мне, что, когда дяде минуло четырнадцать, родители уехали в Пик-Цивитас, чтобы дать ему хорошее образование. И дядин маленький братишка, мой отец, родился уже в Пике.

Я уже давно покончила с завтраком, а мои соседи по вагону только начали просыпаться и выстраиваться в очередь в ‘свежитель. Я-то им воспользовалась как только встала, ну и… оказалось, не так плохо. Хотя очень, очень непривычно: сначала раздеваешься целиком, вешаешь одежду в стеклянный ящик, сама встаешь в другой стеклянный ящик, а потом ты и твоя одежда вибрируете, и раз! – все чистые: и ты, и одежда. При этом ты себя не чувствуешь чистой, хотя вроде бы и волосы шелковистые, и кожу покалывает, когда выходишь. Я понюхала одежду – вообще ничем не пахнет. То есть совсем. Одно застарелое полустертое пятно внизу штанины этой вибрацией отстирало, но все равно в этом что-то не то.

Когда дядя написал в Монастырь и затребовал меня в Пик-Цивитас, Учителя рассказали мне, как пользоваться ‘свежителями и разными другими технологиями, и я не чувствовала себя ущербной. Но настоящая ванна или душ все-таки лучше.

Я не глазела на людей, стоящих в очереди, а они на меня глазели.

Я оделась в ту же одежду, в которой дома ходила на Охоту – другой-то у меня, можно сказать, и не было. Для моих попутчиков я, разумеется, выгляжу диковато. Они-то все, насколько я могу судить, упакованы по последней моде: много легких, блестящих или бархатисто-матовых тканей, а женщины наряжены в такие цвета, которые нам и не снились. Мы ведь сами красим себе ткань, и таких оттенков нам нипочем не добиться. Но смотрелись все эти наряды красиво. В такой одежде вполне комфортно, если целый день сидишь в помещении, но среди леса ты и получаса в ней не продержишься. И все женщины носили туфли на высоченных каблуках – представляю, как у них разламывается поясница. А я была одета в неброский темно-коричневый лен. Просторный плащ с капюшоном, штаны, заправленные в сапоги с тонкими плоскими подошвами (натуральная лосиная кожа, между прочим), и вязаная шерстяная туника бежевого цвета – вот и все мое облачение. За моей спиной перешептывались, но я хранила вежливое молчание. И вообще мне уже пора заняться упражнениями.

Охотниками не становятся, не постигнув магии. Учителя говорили, что многие Охотники из других мест не продвигаются дальше призыва, и непонятно, какой тогда во всем этом смысл. Поэтому, как и все, кого обучали наши Учителя, я в магии разбираюсь. Но магия – штука коварная. Ей на самом деле не нравится, что ею пользуются и владеют, и надо постоянно тренироваться, иначе рискуешь

ее потерять. Заклинания и Письмена просто-напросто выскользнут из сознания – и поминай как звали. Если, конечно, не поддерживать сознание в тонусе. Я уже говорила, что Учителя были Чародеями еще до того, как магия стала обычным делом в нашем мире. Посмотрели бы вы на их книги: потрясающе красивые, так и пестрят цветными чернилами и красками: что ни страница – рисунок или затейливые буквицы. А бывают еще свитки – длинные полоски бумаги. Некоторые книги – это листы бумаги, сложенные вдоль и поперек и сшитые между двумя обложками. А некоторые – настоящие книги. В Монастыре обучают всех, у кого есть хоть крупинка магии. У меня ее очень много, у большинства все-таки поменьше, но у каждого из нас хоть крошечная частичка да имеется. Учитель Кедо говорит, не такое уж это диво дивное – магия. Но люди ленятся и не хотят учиться, чтобы пользоваться ею и удерживать у себя в голове. Однако у нас на Горе ничего попусту не пропадает. Если режем свинью – каждая ее часть идет в дело. И раз уж мы наделены магией, мы неустанно оттачиваем ее – пусть даже она годится лишь для того, чтоб докричаться до дальнего края долины или зажечь огонь. Вот поэтому каждое утро, сразу после завтрака, я делаю упражнения.

Я могу рассказать, как это, если вам интересно. Это словно натягивать незаряженный лук. Чувствуешь напряжение тетивы, и вся эта сдерживаемая сила нарастает внутри тебя, но, когда приходит время стрелять, ты не выпускаешь стрелу наружу, а как бы позволяешь магии втечь обратно внутрь тебя. Что-то вроде движений ката в боевых искусствах, которые выполняешь, не вкладывая в них силу, зато приучаешь тело к ведению боя. Дома я бы проделала все упражнения как положено, с движениями: сначала представила бы себе меньшие Письмена, потом начертала бы их в воздухе. Но на глазах у целой толпы незнакомцев ничего такого вытворять не будешь. Поэтому я пробежалась по Письменам мысленно, начертив их в своем сознании.

Это все приемы боевой магии, хотя я могу с помощью магии зажечь огонь, высушить мокрую одежду и что-нибудь сообразить на кухне. Удары и контрудары, уловки и ловушки, а самое главное – всяческие защиты, – все это требует предельной сосредоточенности. В Монастыре Учителя чего только не делали, чтобы сбить меня – и в барабаны стучали, и напускали на меня резвящуюся малышню. Так что какие-то шепоты и косые взгляды мне уж точно не помеха.

Но вот крики… пожалуй, пронзительный крик – это помеха.

Я пулей вылетела из своего маленького мирка. Миг – и я уже на ногах, а в руке сжимаю нож, вытащенный из ножен в сапоге, – мое единственное обычное оружие. Одного взгляда в окно было достаточно, чтобы понять, почему кричали. Прямо передо мной – сияющие золотые глаза и желтоватые клыки длиной с человеческую руку. Глаза и клыки драккена. Они лишь мелькнули мимо – все-таки поезд двигался быстро, – едва различимые на такой скорости огромные зубы, свирепый взгляд и темно-зеленая чешуя. Каждый Охотник знает, как выглядит драккен.

Я бы сама с радостью закричала, но сдержалась. Охотники не кричат. Даже если они растеряны, до смерти испуганы или ранены. Даже, если умирают. Крик только навлечет еще большую беду. А если хочется кричать – беда у тебя уже имеется, и больше обычно не требуется.

Проводник затемнил окна через секунду после того, как я открыла глаза, но я успела все увидеть, зафиксировать, словно на камеру, и теперь прокручивала в голове отснятые кадры и думала, что мы в очень-очень большой беде. Потому что драккен там не один – их целая стая. Они накидываются на клетку, пытаясь зацепиться, но их отбрасывают электрические разряды. От развалин Вешнедола драккены поезда бы не разглядели. Их мог бы привлечь гудок, но поезд не гудел. Да и в любом случае у них же сезон гнездования, они и город захватили под гнездовье. Не станут они срываться из гнезд ради какого-то поезда. А следовательно, может быть лишь одна причина, по которой стая драккенов набрасывается на клетку.

Их натравливает Житель. Или несколько Жителей. Другого объяснения нет.

Толком не сознавая, что делаю, я вскочила и помчалась по вагону к двери – она распахнулась, когда я была буквально на волосок от нее. Я увидела, что межвагонные двери открыты по всему пути к вооруженному локомотиву. Молодец проводник, сообразительный: догадался, что я предприму в первую очередь, и хлопнул по кнопке. И я со всех ног припустила вдоль движущегося поезда. По-моему, спринтерского рекорда я в этот раз не поставила – ну да мне ведь и не до рекордов было.

Дверь в локомотив, естественно, оказалась закрыта и заперта. Но я же зарегистрированная Охотница. Меня зарегистрировали в тот самый миг, когда дядя послал письмо. Поэтому я шлепнула ладонью по дверной панели, и дверь открылась. Правда, дальше меня ждал запломбированный люк и металлическая

лестница, приваренная к стене вагона. Машинист сидит внизу, в своей наглухо закрытой будке, но мне надо наверх, где артиллеристы и их командир. Я вообще не помню, как поднималась по лестнице.

Трое артиллеристов на мое внезапное появление отреагировали вполне предсказуемо. Они подскочили как ужаленные, но я выбросила вперед обе ладони, показывая им вытатуированные мандалы с затейливым узором. По мандалам нас можно опознать мгновенно: никто в здравом уме не возьмется их подделывать, потому что его или выведут на чистую воду, или отправят на Охоту, а там все решится само собой.

– Рада Чарм, – представилась я. – Зарегистрированная Охотница. И да: племянница. Доложите обстановку.

Впрочем, частично обстановка была ясна и без докладов: на каждом орудии был монитор, подключенный к камере наружного наблюдения. И мониторы работали. На них хорошо было видно: драккены не отстают от поезда и время от времени кидаются на прутья клетки. Летать драккены не умеют, зато прыгают очень далеко и своими размерами определенно нарушают закон квадрата-куба. Хотя почти все твари из Потусторонья нарушают законы физики. Если вам никогда не попадался драккен, полистайте «Алису в Зазеркалье» с иллюстрациями Джона Тенниела[2 - Сэр Джон Тенниел (1820–1914) – английский художник, первый иллюстратор книг Льюиса Кэрролла. (Здесь и далее прим. перевод.)]. Так вот, драккен – это почти бармаглот. Что-то наподобие. Только длиной 150 футов[3 - Фут равен 30,5 см. Значит, длина драккена примерно 45 м.]. Голова морского чудища, тело змеиное, вдоль хребта – вереница острых шипов, хвост как кнут, и все это покоится на тонких птичьих лапках, увенчанных кошмарно длинными когтями. А цвета они обычно зеленого и коричневого, разных оттенков. Глаза у драккенов золотые, каждый размером с небольшой бочонок, а острые, как ножи, когти длиной с мою руку. И все же в данный момент драккены с их когтями и прочим волновали меня меньше всего. Потому что драккены – это лишь отвлекающий маневр.

Клетка электрифицирована на пять миль впереди и позади поезда. Подавать электричество на бо?льшую площадь непрактично: на что сдалась чудовищам клетка без поезда внутри? Они сначала видят пустую клетку, а потом в клетке появляется поезд, но тварь не успевает сообразить, что пора начинать атаку. Поезд тем временем благополучно пролетает мимо, оставляя тварь без всякой надежды на поживу. До чудовищ не доходит, что заберись они в пустую клетку

впереди поезда – весь поезд был бы у них в лапах.

Но это если рядом с чудовищем нет Жителя.

И я сразу догадалась, сразу, как только увидела драккенов: здесь без Жителей не обошлось. Обычно драккены так себя не ведут.

Один Белый Камень. Один Белый Камень. Один Белый Камень.

– Псайщиты! – заорала я военным, которые, видимо, еще не поняли, что тут орудует Житель. Жители – они не как мы, люди; у нас бывает или магия, или псай, но только что-то одно. А у них может быть и то и другое одновременно. Псайщиты – это чистой воды технология, я не знаю, как они работают, знаю лишь, что они блокируют мысли. Ими оснащены только такие вот вагоны, и щиты не так эффективны, как живой Псаймон, но все же лучше, чем ничего. Круто было бы иметь Псаймона на каждом поезде, однако Псаймон редкий кадр, их куда меньше, чем Чародеев, и армия всегда заграбастывает их себе. Ладно, в конце концов, псайщиты тоже сойдут. И хорошо бы артиллеристы не махали своими пистолетами у меня перед носом. У этого вагона обшивка из холодного железа, Жителям через нее не прорваться, но это значит, что и моя защитная магия тут бесполезна. А в Монастыре меня не учили обманывать пули.

– Но ведь… – начал военный, у которого было больше всего нашивок.

– Не спорь с ней, дубина! Выполняй! – гаркнул второй и, не дожидаясь приказов, протянул длинную руку и защелкал переключателями над головой рядового.

– Максимальная дальность, – скомандовала я, и тот же парень завертел колесо. Изображение в лобовом мониторе расширилось, стало видно на милю вперед, потом на две, три, и вот уже конец электрифицированной клетки, а там…

…части клетки уже не было и в помине…

…и там кто-то стоял, искрясь, как королевская корона в солнечных лучах, и рядом с ним, точно послушный пес, ждал драккен. И обе фигуры окружал переливчатый сияющий ореол.

Рядовой не растерялся. Он вмазал по кнопке, посылая сигнал машинисту: экстренное торможение! Потому что если мы на всей скорости впилимся в этот нимб, то нас раскатает в блин, и никакое холодное железо не поможет. Он лупил еще по каким-то кнопкам, а я тем временем вцепилась в подпорку, чтобы не полететь вверх тормашками, а с головы поезда устремились вдаль шесть ракет «Геенна». Они все ударили одновременно, и белая вспышка на миг заволокла лобовой монитор. Когда монитор очистился, драккен исчез, но вот Житель никуда не делся – так и стоял, прислонившись к своей Стене.

Торможение дело не быстрое. Две мили тормозного пути плюс еще все то расстояние, которое мы проехали, пока смотрели на Жителя. Хитрый гад, понятное дело, заметил, что мы тормозим, слевитировал и двинулся по воздуху в нашу сторону. Летел как ни в чем не бывало, скрестив руки на груди.

Вот же не было печали!

Один Белый Камень. Один Белый Камень. Я мысленно обратилась к своему средоточию. Хоть бы этот Житель-Волхв не пробрался через псайщиты… Хотя скорее всего проберется. А если проберется, то сможет читать мысли. Наиболее ценные мысли в этом вагоне содержит именно моя голова. Не хватало, чтобы этот тип начал в ней копаться. Охотник начеку – это Охотник, который выживет.

Драккена он, значит, не смог протащить через клетку. Что ж, пустячок, а приятно. Нам остается всего-навсего разобраться с Жителем и с тем, кого он сумеет сюда призвать.

Поезд наконец встал. Житель был все еще в миле от нас. И тут меня осенило.

– Я иду наружу, – провозгласила я. – Сумеете вести поезд следом со скоростью шага?

– А ты… – залепетал было рядовой, но тут же осекся: – Да, Охотница, мы все сделаем.

– Мне нужно наружу, чтобы призвать Гончих, и я не хочу призывать их, играя с ним в гляделки, – пояснила я.

Самый толковый молча протянул мне гарнитуру с наушниками. Она была совсем малюсенькая по сравнению с теми, которыми мы пользовались на Горе, но сути это не меняло. Я прилепила наушник-морковку куда надо и приладила микрофон на ниточке.

– Дай знать, когда открывать огонь, – сказал артиллерист.

Я задумалась. Всякие пакости вроде отдачи и осколков – ерунда, Гончие меня от них защитят.

– Сигналом будет слово «сапотеки»[4 - Сапотеки – индейский народ в Мексике.], – ответила я.

Артиллерист посмотрел на меня с недоумением, но кивнул. Неудивительно: даже среди Охотников не многие слышали о сапотеках, а уж цив, знающий это слово, и вовсе диковина. Но для меня один старый сапотек – самый близкий из всех моих Учителей. Это Учитель Кедо, который первым преподал мне азы магии. Сапотеки – это его народ. Учитель Кедо объявился в Укромье почти сразу после меня. Мои Гончие тоже, в общем-то, были сапотеками, и, по всей вероятности, мой Учитель пришел в Монастырь из-за них.

Гидравлический люк над моей головой с шуршанием откинулся. К моим ногам упала лестница, и я выбралась наверх. Подо мной шипел, пыхтел и потрескивал локомотив. Лестница вниз отыскалась мгновенно, и вот я уже спрыгнула на землю. А спрыгнув, прибегла к боевому призыву.

Обычный призыв – это для экстренной ситуации слишком долго. А я сейчас без моих Гончих до ужаса уязвима каждую наносекунду. Поэтому призыв был боевой.

Как ни забавно, этот вид призыва для Охотника тоже что-то вроде инстинкта – и в то же время первые призывы всегда боевые. Я прикрыла руками глаза и прокричала слова, которые заменяли Письмена. Мандалы на моих ладонях зажглись. Нет, они правда зажглись – как будто их выгравировали прямо на коже огненно-красным.

Охотник платит за все, что делает. Боль – это цена скорости.

Я почувствовала, как раскрывается Портал, дверь в Потусторонье – слишком торопливый и небрежный способ, не то что с Письменами. И в отличие от двери с Письменами этот Портал долго не продержится. Раздался негодующий крик Гончих: они уже знали, что дела у меня плохи, и спешили ко мне, чтобы встать рядом.

И теперь они были в своих подлинных обличьях.

Ча, самая маленькая из Гончих, был величиной с лошадь. А самая большая размерами не уступала конюшне, в которой эту лошадь держали. С виду они были как галлюцинации, которые примерещатся разве что художнику в тяжелом угаре. Ха-ха. Но никакие они не галлюцинации – они самые что ни на есть настоящие. Был такой художник в Мексике, Педро Линарес, так он в горячечном бреду умудрился заглянуть в Потусторонье. Вот моих Гончих он там и увидел[5 - Художника Педро Линареса (1906–1992), когда он болел лихорадкой, действительно преследовали галлюцинации – он видел диковинных животных с крыльями, рогами и хвостами. Когда Педро выздоровел, он стал делать таких животных из папье-маше и тем самым снискал себе мировую славу.].

Вообразите себе любого зверя. Утыкайте его шипами и рогами, привесьте крылья – словом, не жалейте подробностей. Потом нарисуйте его как-нибудь побезумнее и такими ядреными психоделическими красками, чтобы глаза слезились. Сделайте его размером с лошадь или больше, снабдите приличным запасом манны и способностью ее использовать и прибавьте какое-нибудь нормальное оружие: скажем, жала, когти, ядовитые клыки и чтобы зверь еще плевался огнем. И получится у вас алебрихе[6 - Алебрихе – яркие мексиканские игрушки, изображающие разных фантастических животных. Моду на алебрихе ввел в тридцатые годы именно Педро Линарес.], сапотекская версия Гончей. И Гончим нравимся мы, люди, а вот Жителей, насколько я могу судить, они на дух не переносят. И это дьявольски хорошо, а то бедняге Педро ввек не очнуться бы от лихорадки. Ого, только сейчас дошло: похоже, алебрихе его и исцелили.

Я вроде бы единственный Охотник, у которого Гончие-алебрихе. У большинства Гончие как собаки, у кого-то, правда, встречаются создания чуточку поэкзотичнее. Но алебрихе – только у Учителя Кедо и, видимо, у Охотников-сапотеков, если такие вообще есть, да у меня. Учитель Кедо каким-то образом узнал, что мои Гончие – алебрихе, и поспешил в Монастырь, чтобы обучать меня. Хотя он сам все время говорит, что в Монастыре ему нравится, он даже никуда оттуда не ездит. Учитель Кедо… он для меня не совсем как отец и не совсем как

брат. Может, как дедушка? Я не знаю, сколько ему лет; он как все Учителя: когда им переваливает за пятьдесят, они начинают казаться одновременно и древними, и лишенными возраста. Если речь о магии – он сама серьезность. А так он веселый и сердечный. Каждую минуту каждого дня я ощущала его заботу. Он заботился обо мне самой и о том, какой я стану Охотницей. Все Учителя заботятся об учениках, но, по-моему, у нас с Учителем Кедо все было по-особенному.

Гончие, не похожие на остальных, – это, кстати, тоже дьявольски хорошо. Есть шанс, что Житель-Волхв не узнает их и не догадается, как с ними совладать.

Ча, как обычно, занял место рядом со мной, и мы двинулись навстречу Волхву. Гигантский локомотив еле-еле полз следом. Остальная стая выстроилась по бокам от меня, стараясь не прикасаться к клетке.

Внешне я выглядела спокойной, безмятежной и отрешенной.

Внутри я заходилась от визга. Прежде мне не доводилось сталкиваться с кем-то из высших Жителей один на один. То есть я видела высшего Жителя, но издали, и я тогда была не одна, а с Учителем – не со своим, а с Учителем Синдзи. Он уже сражался как-то с этим самым Жителем, и в этот раз рядом оказалась я. Ну и как, страшно мне сейчас, спросите вы. И не спрашивайте. Хорошо хоть поела уже давно, и штаны сухими остались. В горле пересохло, желудок крутит узлом, а сердце чуть из груди не выскакивает.

Ладно бы этот тип был обычный Житель. А то ведь Волхв. Жители, которых я раньше видела издали, и тот одиночка, на которого я наткнулась, – они все были дикие. Лохмы до колен торчат как попало, а в них чего только нет: дреды, косички, вплетенные перья, резные камешки, костяные обломки. Одеты в шкуры с мехом, и шкуры тоже всячески изукрашены на их безумный манер – бусами и побрякушками. Те-то Жители не были Волхвами; они владели магией не осознанно, а на уровне инстинкта. Рядом с настоящими Волхвами они сущие младенцы. И все же у себя на Горе мы предпочитали не убивать их, а прогонять, чтобы не разжигать кровной вражды. А внизу считалось разумным правило: увидел Жителя – убивай, не раздумывая. Потому что иначе он убьет тебя. Против Жителя никому не выстоять.

Но этот Житель – он другой породы. Он гораздо опаснее. Он вполне цивилизован, искусен и еще менее предсказуем.

Но моя рука тверда, мой взор ясен, и мой разум тоже. Итак. Уже почти.

Один Белый Камень. Один Белый Камень. Один Белый Камень…

Глава 3

И вскоре я уже играла в гляделки с Волхвом. Он парил в воздухе, скрестив руки на груди, а я стояла на земле в окружении Гончих. Жители… Если честно, мы даже толком не знаем, как они выглядят. Кое в чем нам с ними не потягаться, а именно – в иллюзиях. Поэтому поди догадайся: перед тобой Житель в его подлинном обличье, или он играючи превратится в кого-то еще, или это вообще иллюзия. Поэтому я могу вам их описать такими, какими они позволяют себя видеть. Они отличаются друг от друга – волосами, цветом глаз, и уж точно одеждой, – но у них есть много общего.

Начать с того, что они красивые. Даже в самых одичалых есть какое-то величие, от которого дух захватывает. У них у всех острые уши длиной примерно с полруки, и тонюсенькие брови, и вытянутые, даже заостренные лица. Жители обычно высокие, футов семь или восемь, и тела у них тоже изящные, под стать лицам.

У Волхва, парившего надо мной, оказались невероятно длинные серебристо-лавандовые волосы – идеально ухоженные, гладкие, точно лед, они свисали на пару футов ниже его подошв. И уложены не как попало: за правым ухом сверкали искристые бусинки, нанизанные на нити. Лоб перехвачен серебряным обручем с лавандовым камнем в тон глаз. На одежду у меня уже слов не хватает. Что-то мягкое, многослойное, сияющее серебристо-лавандовым светом, со струящимися рукавами, и каждый кусочек этого наряда был расшит серебряными нитями и такими же искристыми бусинками.

Сферическая Стена вокруг него мерцала и переливалась, как мыльный пузырь – такая прозрачная, хрупкая. Но меня-то эта хрупкость не обманет. Шесть «Гееннн»

этот пузырь даже не покорежили. Стены и Щиты часто смахивают на стеклянные оболочки – но это одна только видимость. В магии нельзя верить тому, что видишь.

Мы с Жителем какое-то время мерили друг друга взглядами. Мой наставник по айкидо внушил мне: тот, кто нападает первым, попусту расходует энергию. Поэтому я научилась выжидать. За моей спиной негромко гудел поезд; я знала, что у артиллеристов, которые наблюдают за мной через камеру, радиоаппаратура с большой зоной охвата, и они примут сигнал от внешнего микрофона. Правда, пока им приходится слушать тишину. Наконец Волхв заговорил, и голос у него оказался таким же прекрасным, как лицо. Он звучал, как басовые струны арфы:

– Я вижу тебя, Охотница.

Вот и пожалуйста: традиционное начало боя. Но не поединка. Отлично, значит, хитрить не возбраняется. Ведь мне-то придется схитрить.

– Я вижу тебя, Чародей, – ответила я.

– Что связывает тебя с овцами за твоей спиной? – осведомился он светским тоном.

– Я пастырь этих овец, – пояснила я. Так я взяла на себя ответственность за поезд и за всех, кто в нем едет.

– Тогда пастырь пожертвует овечку из своего стада… Или двух. Или больше.

Вот так фокус. Он что, пытается договориться? Но я сосредоточилась на Одном Белом Камне; мое лицо, как и камень, оставалось бесстрастным.

– Это не обсуждается, – твердо сказала я. – Поищи овец в другом месте, Чародей.

Бывают люди, способные отдать кого-то из своих Жителям. Там, откуда я приехала, за это полагалась петля на шею, но все равно находились разные мерзавцы и отребье, которые такое сотворят и глазом не моргнут. Всегда есть люди, которые на самом деле нелюди. Которые считают, что в целом мире

имеют значение только их персоны. И в первую очередь это те, кто устроил Дисерей – это и без Учителей ясно, если голова на плечах. Тот, кто не заботится о ближнем и думает, что его нужды важнее нужд всех остальных, – вот он и есть нелюдь. В своекорыстии нет добродетели, ни капельки.

Житель медленно склонил голову на плечо. Он не видел у меня ни Стены, ни Щита.

Ну… в этом месте я могу кое-что разъяснить. Помните, я уже говорила, что в магии за все надо платить? Там, где меня обучали, я усвоила одно правило: бери много из малого. В Монастыре все живут по такому принципу. Возьми много из малого – и у всех будет достаточно, и еще останется что-нибудь про запас на случай необходимости. Да, я запросто установлю Стену не хуже, чем у него, – и что? Гончие тоже могут это сделать, а они проворнее; если Ча почувствует угрозу, он в тот же миг грянет вокруг нас Стену и мы будем спасены. И я воззову к самому могущественному, к лучшему в себе – и при этом не буду истекать манной. А Житель не будет считывать мою мощь с моей Стены.

Я его озадачила, поскольку повела себя не как сами Жители и, видимо, даже не как Охотники, которые ему встречались. Поэтому он придирчиво изучал меня, гадая: то ли я тупица, то ли куда сильнее, чем кажусь.

Ну-ну, пускай изучает… Я-то ведь тоже без дела не стою. Много из малого, да? Крошечный, микроскопический кусочек моей магии потихоньку протискивается через Стену – такой нежный, такой невинный, что Житель упорно не замечает его у себя прямо под носом.

– У тебя ни Щита, ни доспеха, – как бы невзначай обронил Житель. – И все же твой разум не замутнен.

Один Белый Камень. Один Белый Камень.

– Да, мне уже такое говорили. – Я пожала плечами. – Окажи мне любезность, Чародей, освободи нам путь. Я отведу овец на пастбище.

Я тебя пока по-хорошему прошу. Уходи подобру-поздорову.

– Почему бы тебе, – задумчиво проговорил он, склоняя голову на другое плечо, – не отвести их на мое пастбище?

Что-о?! Он это сейчас… Или мне почудилось?..

– Наши пастыри заботятся о стадах, – продолжал он. Значит, не почудилось. – И ты сможешь стать пастырем. Станешь держать от меня землю, признаешь меня своим владыкой и оставишь своих владык в городе. Тебя ожидает куда более приятная жизнь, поверь мне. Если захочешь, сможешь пасти этих овец сама. Им новая жизнь даже больше придется по нраву.

Ладно. Это что-то новенькое. Я для виду задумалась. Еще чуть-чуть – и моя магия истончит кусок его Стены.

– Жители моих сородичей не жалуют, – усмехнулась я. – На что я тебе сдалась?

Он рассмеялся – точно зазвенели колокольчики:

– Ты примечательна, Охотница. Ты не овца из стада. Ты умнее и терпеливее волка. Ты храбрее льва. Ты необычна. Возможно, ты станешь оружием в моей руке. Или… чем-то еще. – Он наклонился ко мне и сверкнул глазами. – Ты не совсем права. Не все из нас враждебны твоим сородичам. И мы не считаем вас… непривлекательными. – Он выпрямился. – Разумеется, если вас привести в порядок и одеть как подобает, – прибавил он брезгливым тоном, каким говорят уверенные в своем превосходстве. – И твои Гончие, Охотница, тоже примечательны. – Спина Ча задрожала под моей рукой от приглушенного рыка. – Они тоже необычны, – продолжал Житель. – Кто они?

– Они-то? – ответила я. – Сапотеки.

С этими словами я кинулась наземь, а Гончие навалились сверху, и я вскинула свою Стену вокруг нас.

И артиллерия вдарила по его Стене прямой наводкой.

Я этого, естественно, уже не видела. Я лежала, погребенная под Гончими и нашими Стенами. Зато я все слышала и почувствовала, как все содрогнулось от

взрыва и как все заволокло жаром. Я съежилась, думая только об Одном Белом Камне, держа Стену и ощущая, как из меня, точно кровь из открытой раны, вытекают силы. А потом все затуманилось.

Гончих не задело – все-таки у них были свои Стены и моя в придачу. Они обернулись собаками, и мы вместе шагали к первому пассажирскому вагону, чтобы забраться назад в поезд путем попроще. Меня, понятное дело, потряхивало, я умирала с голоду и еле стояла на ногах, и больше всего на свете мне хотелось лечь и ни о чем не думать, но сначала нужно посовещаться с военными. На Горе мне сразу следовало бы доложиться Учителям, пока в голове еще свежи все события, а в поезде вместо Учителей будут военные. Учителя меня предупреждали, что у цивов каждая вещь нашпигована миллионом «жучков», поэтому наверняка все подробности столкновения с Жителем уже дошли до Пика и властей. Ну ладно, если мы победили, запись встречи с Жителем-Волхвом станет ценным учебным материалом. Если мы проиграли… будет урок, чего не надо делать.

Цивы в вагонах, конечно, сгорают от любопытства. Многие из них весьма влиятельные люди, они вправе требовать, чтобы им выдали информацию. И им выдадут – хотя, возможно, не всю. Они видели драккена. Видели, как я опрометью неслась вдоль поезда. Они знают, что поезд встал. Они видели два залпа «Гееннами» с локомотива. И сейчас им, вероятно, уже сказали, что имела место стычка с пришлецами и мы (очевидно) победили.

Примерно так оно и было. Проводники с трудом сдерживали толпу в первом вагоне. Не бунт и не революция, но возбуждения через край. Народ толпился в проходе. Я смекнула, что цивам нужно куда-то выплеснуть свои восторги, и оставила им на растерзание Гончих. А сама пробралась в вооруженный локомотив.

Я вовсе не такая крутая, какой кажусь, глубоко внутри уж точно. Но сейчас крутой вид мне жизненно необходим. Когда я включаю в себе Охотницу, я погружаюсь в состояние сродни медитации, и меня ничего не тревожит. Поэтому придется еще немного побыть в режиме Охотницы. Я расплачусь за это позднее: когда останусь одна, раскисну от души – но это потом, а сейчас пускай народ думает, что я с самого начала твердо знала, что делаю. Это тоже часть службы Охотника.

Я не знала, как меня встретят в артиллерийском отсеке. К счастью, там никто не голосил и стенал, на меня смотрели вполне спокойные лица. Поезд дрогнул, тронулся и начал набирать скорость.

– А все-таки мы… – начал было офицер.

Я помотала головой:

– Потом. Сначала покажите мне запись в замедленном режиме. А то я валялась в грязи, пока вы устраивали тарарам.

Замедленная запись подтвердила мои догадки. Волхв успел сообразить, что происходит, и – вжих! – его как ветром сдуло до того, как ракеты вдарили по его Стене. Больше с ним этот фокус не пройдет, да и с другими Жителями вряд ли. Так что это было эксклюзивное шоу. Черт, да вся эта наша с ним беседа – сплошное эксклюзивное шоу. Чтобы Житель вполне здраво разговаривал с Охотником?! Да еще чтобы предлагал… что он, выходит, предлагал-то? Работу? Союз? Или вакансию комнатной собачонки?

Но, надо думать, если кто-то из Охотников и принимал подобные предложения, то никто из людей об этом не слышал. Такой Охотник исчезает и считается погибшим.

Я вернулась мыслями к записи.

– Вот. – Я указывала на предательскую белую вспышку, которую не скрыли даже ракеты, разносящие Стену на кусочки.

Офицер выругался, а потом вздохнул:

– Слинял, значит.

– Да, – кивнула я. – Но убивать его не наша задача и не наша работа. Задача была в том, чтобы заставить его уйти. А работа – в том, чтобы пассажиры поезда доехали до города целыми и невредимыми.

Мое рассуждение им не понравилось. А я ни капли не удивилась. Учителя подробно объяснили мне разницу между тем, как мыслят солдат, цив и Охотник. Охотник на фоне солдата и цива явно выделяется. Мы, в Монастыре, конечно, ближе всего к Охотникам. Цивы – те, которые горожане, – они любят победы. Им нравится побеждать или чествовать победителя. Солдаты предпочитают завершенность. Им тоже нравятся победы, но для них главное – чтобы все закончилось раз и навсегда, не важно, победой или поражением. А мы, обитатели Горы, народ прагматичный. Мы-то знаем: то, что кажется завершенным, редко завершено на самом деле. А плоды побед скоротечны, поэтому из них лучше извлечь все возможное и использовать в полную силу. Мне все это еще предстоит освоить – как думают цивы и как думают солдаты. Для меня, выросшей в Монастыре, это не такой уж естественный ход мысли.

А теперь вкратце: для этих конкретных солдат все, что не является победой, является поражением. Пока кто-нибудь не вывернет поражение наизнанку и не превратит в победу. Вот этим и займется офицер, когда я уйду, – полагаю, это и есть его работа.

– Я считаю, они больше не тронут этот поезд, а возможно, и трижды подумают, связываться ли с другими поездами. По крайней мере, какое-то время, – заявила я, чтобы им было над чем поразмыслить. Затем я делано улыбнулась, потому что мне уже позарез надо было побыть одной или с Ча хоть чуть-чуть. – Вы, ребята, настоящие герои. Мое дело было маленькое: заманить, отвлечь и мышкой прогрызть дырочку. Мне самой бы его не уложить. Я только проделала вам окошко в Стене.

Это я загнула, но так им будет еще над чем поразмыслить. Артиллеристы сразу повеселели. Я прямо видела, как у офицера в голове крутятся шестеренки.

А потом я ушла.

Первый вагон был люксовый, с купе на одну персону. Потому что, если вдруг поезду придется избавляться от вагонов и ехать на критической скорости – угадайте-ка, кто спасется? У дверей вагона – ну надо же! – меня поджидал знакомый рыжий проводник.

– Там толпа народу желает тебя благодарить. – Он выдавил странноватую улыбочку. – Но я подумал, может, тебе сейчас немного не до них… Тебе, похоже,

не повредит слегка выдохнуть.

Я удержалась и не раскисла прямо у него на глазах, но… ничего себе. Парень, видно, без пяти минут Псаймон.

– Я как бы… ну… – забормотала я, но, прежде чем я успела договорить, проводник распахнул дверь первого купе и легонько втолкнул меня внутрь.

Купе оказалось маленькое, но тут был крошечный освежитель – раковинка с двумя торчащими из стены кранами. А еще кровать – настоящая кровать, разложенная, которая будто ждала меня. И закуски с напитками.

– Как будешь готова потолкаться среди народа, жми вот эту кнопку, – сказал проводник. – Я за тобой приду. – И он закрыл дверь, а я наконец-то осталась одна.

Правда, ненадолго. Ча призраком просочился через дверь – на этой стороне Гончие так умеют – и привалился ко мне всем телом. И я плакала, и дрожала, и снова плакала.

Все плохие сценарии один за другим прокручивались у меня в голове во всех деталях. Я могла погибнуть, и все в поезде могли погибнуть, или Волхв мог пленить меня и заставить смотреть, как гибнут остальные, или он мог с моей помощью добраться до Учителей и до Горы… В общем, все что угодно могло случиться. И это все что угодно даже рядом не лежало с хеппи-эндом.

Скажем прямо, успокоилась я не сразу.

Потом я умылась, положила на покрасневшие глаза холодную ткань, чтобы они казались все-таки светло-карими, а не алыми. Пожевала что-то похожее на съедобное произведение искусства, выпила много-много воды и шагнула навстречу шумихе.

Шумихи я не выношу. Даже когда ее устраивают знакомые мне люди, а уж когда незнакомые, то и подавно. Но Учителя и дядя очень доходчиво мне объяснили, что моя служба без шумихи не обходится, и надо принимать ее как дар, даже если меня от нее с души воротит.

Проводник, которого я уже начала про себя звать «моим», уже был в коридоре. Он остановил меня перед вторым вагоном:

– Компания одобрила бы, если бы ты прошлась по всем пассажирским вагонам.

Ого, да тут с каждым шагом все забавнее.

– Э-э… – промычала я, решив опять прикинуться деревенщиной. – А что за компания?

– Компания, которая владеет всем гражданским транспортом, – пояснил он. – И этим поездом в том числе.

Я, конечно, была в курсе – Учителя нам рассказывали еще на школьных уроках истории. Но я же деревня, верно?

– А я думала, вооруженные силы… – протянула я.

Он покачал головой:

– Военные хорошо умеют только одно: драться. Цивы свои дела ведут сами.

А то я не знаю.

– В смысле цивы и поездами командуют?

Ну а что, логичный вопрос: транспорт слишком сложная система, чтобы так просто ими командовать.

– Гражданскими – да. Так что, если бы ты прогулялась перед публикой, Компания бы это оценила.

Он так сказал «Компания», что стало ясно: имеются в виду шишки из Компании, которые всем рулят. Значит, кто-то уже доложил о случившемся наверх, и сверху вниз начали поступать указания. Потому что «Компания оценила» – это такой вежливый приказ. Зачем им это нужно – непонятно, но, может, станет

понятно позже.

– Ладно, могу прогуляться, – ответила я. Я пока в состоянии сдерживать истерику, а уж после позволю себе обычный после Охоты выхлоп. – Ну что, идем?

Проводник кивнул и распахнул дверь. Меня мигом окружил народ, насколько это было возможно в вагонной тесноте. Я степенно улыбалась, кивала, произносила всякие успокоительные фразы. Гончие протиснулись ко мне между ногами и сгрудились вокруг меня, оставив мне немного пространства. Я старалась говорить каждому пассажиру хоть что-то, но тут одна дамочка всунула мне в руку ручку и бумагу, и я в первую секунду растерялась. Не могла сообразить, чего ей от меня надо: слово «автограф» на Горе было не в ходу. Но потом мне продолжали подсовывать бумагу и ручки, и не только в этом вагоне, но и в следующих. Поэтому я царапала свое имя и прибавляла упрощенную версию моей мандалы – кажется, пассажирам это нравилось.

Но очень уж все это изматывало. Я не привыкла столько времени быть на людях после Охоты. Гончие тоже: одна за другой они ускользали, пока не остался один Ча. И в конце пути я уже не могла спрыгнуть вниз. Пришлось повторить свое триумфальное шествие в усеченном формате.

Возле моего вагона опять дожидался «мой» проводник.

– Компания распорядилась выделить тебе то отдельное купе, – сообщил он. – Которое я для тебя открыл. Они хотят, чтобы ты как следует отдохнула.

Я его чуть не расцеловала. В моем вагоне все бы на меня таращились и притворялись, что не таращатся, а я бы при них вообще бы ничего делать не смогла, не то что спать.

– Ой, как замечательно! Спасибо! – с чувством поблагодарила я. – И спасибо, что открыл мне купе с самого начала.

Он слегка покраснел:

– Если что понадобится, жми на кнопку. Но тебя еще ждет короткая беседа, а потом уж они от тебя отстанут.

Ага, кому-то не терпится выслушать мой рапорт. Может, это офицер хочет поговорить без подчиненных? Мысли заглушало бурчание в животе. Я сейчас умру с голоду; внутри у меня полная пустота. Это примерно как то тепло, которое ощущаешь, когда заряжена магией под завязку; а когда магия утекает, приходит голод – и начинаешь зябнуть и ощущать себя невесомой. Причем невесомость эта не в голове, а как раз наоборот: кажется, будто голова слишком тяжела для твоей шеи. Если имеешь дело с магией, этого не избежать. Проводник довел меня до купе, и я уже мысленно пускала слюнки, воображая огромный шмат мяса с овощами. Кровать куда-то подевалась, а вместо нее у окна появился стол побольше и два сиденья. И оказалось, меня ждет вовсе не то, о чем я думала.

Я-то думала, что мне предстоит беседа с офицером из локомотива: очевидно, начальство поручило ему расспросить меня более подробно. А вместо офицера передо мной возник видэкран, а на нем некто в форме. И еще на меня смотрел глазок камеры.

Человек на экране окинул меня спокойным взглядом:

– Значит, вы и есть Рада Чарм, племянница префекта.

– Да, сэр, – кивнула я. Садиться я не стала, наоборот – вытянулась, как если бы стояла перед Учителями.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Я всего лишь хочу задать вам несколько вопросов.

Я натянула приветливую, но сдержанную улыбку и уселась.

По моему вызову появился проводник и принес мне стакан воды. Я благодарно улыбнулась ему, и он опять покраснел. Ча притиснулся ко мне и сидел не двигаясь. Хотя по его глазам было видно: он понимает, что я говорю с человеком на экране. Я отпила воды, чтоб выиграть немного времени, отвечая на первый вопрос своего собеседника.

Он расспрашивал меня осторожно и ни разу не упомянул Волхва. Вместо этого он заговорил о скопище драккенов и гоге. Когда он завел разговор про гога, по телу у меня пробежали предупреждающие мурашки. Но я не стала его

поправлять. По неизвестным мне причинам этот человек и его начальство хотели получить… как же это называлось в книжках по истории… купированную версию событий, вот. То есть чистую правду, но без Волхва.

Купированная версия – это, вне всяких сомнений, для цивов. Я потягивала воду. Совсем безвкусная: наверняка переработанная.

Следующий вопрос подтвердил мою догадку:

– А как, по-вашему, драккены и гог сумели проникнуть в клетку?

– Охотникам известны случаи, когда драккены и гоги действовали сообща. Я предполагаю, что это устроил гог. Он догадался, что сумеет порвать клетку с помощью драккена.

Вот теперь мои мозги работали на полную катушку. Нужно как-то по-хитрому вывернуть эту историю – а я тот еще выворачиватель; пиарщик из меня, прямо скажем, вышел бы никудышный. Гоги – они башковитые. Не как Жители, но они хотя бы умеют разговаривать. Например, могут сказать «Заткнись, завтрак».

Чтобы разъяснить вам про гогов, мне нужно снова обратиться к древнегреческим историям. Гоги очень смахивают на циклопа, которого одурачил Одиссей. И мозгов у них примерно столько же, то есть немного. А вот двуглазых магогов мы видим не часто; некоторые Охотники считают, что гоги и магоги – что-то вроде супружеской пары, причем магоги – более умная половина. Вместе они не появляются, но если вы видите гога – уж будьте уверены: и магог где-то неподалеку. Названия их взяли из Б’иблея Христовых, больше я ничего о словах «гог» и «магог» не знаю.

– Мы остановили поезд, увидев гога, и дали по нему первый залп. Поскольку он остался невредим, мы заключили, что его окружает Стена. Я сошла с поезда, чтобы отвлекать гога, пока артиллеристы готовят следующий выстрел. Я ослабила его Стену. Гоги могут думать лишь о чем-то одном, и пока мы с Гончими занимали его внимание, он не мог как следует защищаться. А я тем временем истончала его Стену.

– Итак, вы создали брешь в его защите, заставив тварей отвлечься на вас и тем самым подставив себя под удар?

В его голосе не прозвучало одобрения. Но и неодобрения тоже. Он словно чего-то ждал. Не знаю, чего уж он хотел услышать.

И я выдала ему правду без прикрас.

– Я Охотница, и наша задача – защищать цивов. Это даже не назвать настоящей Охотой, ведь все-таки у меня была группа поддержки, вооруженная ракетами. В действительности моя заслуга лишь в том, что я вовремя приказала остановить поезд и устроить все так, чтобы военные смогли совершить свой подвиг.

Как-то так. Пускай у нас военные будут молодцы. Он же военный. Значит, должен радоваться.

– Благодарю вас, Охотница. – Мой собеседник наконец выдавил малюсенькую улыбочку. – Вы существенно облегчили мне задачу.

– Э-э… всегда пожалуйста, – ответила я, но видэкран уже погас, а глазок камеры затянуло шторкой.

Я застыла на несколько мгновений, наконец отпуская в себе все, что удерживала: усталость, умственную и физическую, гнев, яростный голод. И прямо сейчас голод победил усталость. Ча прижался к моей ноге, а я вдавила большим пальцем кнопку.

– Тут где-нибудь можно раздобыть стейк с овощами? – осведомилась я, когда на мой зов явился проводник. – Пожалуйста, а?

Глава 4

Пока я ждала, я мысленно перебирала, чему научилась в школе, когда нам объясняли про жизнь в цивилизации.

Во времена Дисерея военные взяли все в свои руки. Они учились, как сражаться с пришлецами, собирали выживших, а сами тем временем отыскивали надежно

защищенное место, где можно возвести укрепления и возродить цивилизацию. И они никогда никого не бросали. У военных был девиз: «Modo ad pugnam paulo durioribus» – «В сражении лишь немного тяжелее». И это было хорошо, правильно: они отыскивали и брали под защиту тех, в ком больше всего нуждались – инженеров, всяких производителей и просто умных людей. То есть людей, которые вроде бы и не очень полезны во время сражения, и сами за себя постоять не могут. Военные отыскали и первых Охотников, которые стали для них подкреплением. Кто не был военным или Охотником, именовался цивисом, или коротко цивом. Потом нашлось и подходящее место – хорошо укрепленное, и там сохранилось много чего с прежних времен, что можно было использовать. И все засели там. Мало-помалу цивы разобрались, что делать с пришлецами, кроме как швыряться в них дурацкими декретами. Кто-то изобрел первые Барьеры, и началось строительство Пик-Цивитаса. Командовал всем жутко умный генерал. Он твердо знал, что с военными делами лучше всего по-военному управятся военные. Но ведь военные ничего не смыслят в делах гражданских – вот в чем загвоздка. Постепенно Пик превратился в безопасное для жизни место, однако в один прекрасный день между военными и цивами возникли терки. Тогда генералу пришлось договориться с теми ребятами, которые заправляли у цивов. И все вместе они приняли решение разделить полномочия. Премьер Рэйн отвечает за цивов, а генерал – за военных. Если нужно что-то сделать – это делают те, у кого лучше получается. В вопросах частного капитала и получения прибыли рулят цивы. Например, они контролируют гражданские поезда, водоснабжение, производство пищи и электроэнергии. Если вы работаете на частном предприятии или в конторе, то вашего работодателя вы зовете «Компания». Я очень аккуратно подбирала слова, когда говорила тут со всеми: надеюсь, и Компания, и военные будут довольны. То еще вышло жонглирование. Теперь мне стали кристально ясны слова Учителей: Компания, правительство и военные не хотят, чтобы кто-то знал о Жителях. А я молодец: маленькая Охотница, которая держит рот на замке.

Мой проводник принес мне симпатичный квадратик мяса и еще кое-что.
Я посмотрела на еду, потом подняла глаза на проводника.

– Никогда не кормил Охотника после Охоты, да? – спросила я и, не дав ему ответить, продолжила: – Я сожгла миллиард калорий. Я умираю с голоду. Это как пробежать марафон. В гору. И с горы. И с рюкзаком, полным кирпичей.

Он растерянно поморгал, а потом забрал тарелку и вернулся с уже нормальной Охотничьей едой – примерно столько я ела дома после Охоты, даже если год

выдавался тощий. Никто ведь не станет морить голодом служебного пса. Вот и Охотника, который всех защищает, нельзя держать на голодном пайке. Нет, на Горе мы никому голодать не давали – это не по-нашему. Если год был скудный, Охотникам доставалась самая большая доля. Обычно мы восполняли это обыкновенной охотой, принося дичь из дозоров.

Вот бы сейчас настоящего мяса, а не этого клонированного. Но ничего, побольше соуса – и клоны сойдут за вкуснятину. И в конце концов, жаловаться неприлично. А еще мне принесли вино! Я люблю вино, но мне как несовершеннолетней оно перепадает нечасто, только по свят’дням.

Я как ненормальная заглатывала еду, а мой проводник тем временем вытянул из стены кровать (так вот где она пряталась!). Ча, мой красавец, мой изящный мальчик, ловил кусочки и жевал их – очень аккуратно, не как обычная собака. Гончим наша пища не нужна, но некоторым из них она нравится. Я могу без конца любоваться Ча в собачьем обличье: его холеной шелковистой шерстью, мягкой, как спальный кокон, длинной тонкой мордой, острыми ушами, упругим хвостом. И он весь такой поджарый, жилистый, мускулистый. Только сверкающие огнем глаза выдают в нем необычного пса. Я так увлеклась поглощением пищи, что забыла обо всем остальном. Сейчас не стоит ни о чем думать – пусть мозги остынут.

Проводник снова вышел в коридор и вскоре вернулся с моей сумкой.

– Я подумал, вдруг тебе что понадобится отсюда, – натянуто произнес он и улыбнулся. А потом показал мне все примочки и приспособления в этом купе. – Ой, и кстати, тебя через полчаса покажут в новостях из Пика, можешь посмотреть, если хочешь.

Хмм. Не знаешь, что и сказать. Я, признаться, не совсем понимала, о чем это он. Но он, видно, решил, что молчание – знак согласия, и включил голографический дисплей:

– Не забудь: понадобится что – жми на кнопку.

С этими словами он вышел. А я осталась в купе, где сгущались сумерки, наедине с яркими цветными фигурками, плясавшими на дисплее между мной и окном.

По-хорошему мне бы послушать, что они говорят, но мой мозг еще и прежнюю информацию не до конца переварил. Зазвучали фанфары, на экране возник логотип канала «Пик Прайм», а затем выплеснулось: «ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК! НАПАДЕНИЕ НА «ПТИЦУ ФЕНИКС»!»

Вот здесь, наверное, и будет про меня.

Последовала череда обычных сообщений – по-моему, они все перекрывали друг друга, сливаясь воедино. Мне было важно услышать, как в новостях преподнесут события, потому что мне ведь потом отвечать на вопросы при зрителях. Как и ожидалось, материал порядком подправили. Интересно, что они оставили упоминание о Стене. Может, цивы не в курсе, что гоги – вовсе не Чародеи, Стены им ставить не под силу.

Ча тоже не сводил внимательного взгляда с дисплея. Он в принципе видел Гончих в роликах, но других, не себя самого и свою стаю.

– Ты смотрелся великолепно, – заверила я его. – И очень грозно.

Он ухмыльнулся и снова обратился к дисплею.

А дальше было еще интереснее: появилась я, которая таращилась в камеру. Это же часть моего отчета тому военному на экране!

Неудивительно, что я существенно облегчила ему задачу. Я распознала все его намеки и ответила так, что ему даже не пришлось вырезать Волхва. А значит, он эту запись может проиграть перед теми, кто требует ответов, но кому не положено знать про Жителей. Да еще скормить куски из нее новостному каналу!

– Новая Охотница ничуть не похожа на Аса Стёрджиса, не так ли, Гейл? – сказал ведущий. – Его стиль по-прежнему вне конкуренции, однако на его месте я бы не терял бдительности. С таким дебютом она определенно выбьется в лидеры!

– О, еще посмотрим, как поведет себя Рада по прибытии в город, – отозвалась женщина. – Наверняка в этой Охотнице кроются неизведанные глубины. Уверена, она еще даже не начала раскрывать себя!

Э-э… что? Почему они обсуждают меня, словно видзвезду?

– Время покажет, – заключил мужчина с торжественным кивком.

– Ну а мы пока можем сказать одно, – произнесла женщина, подавшись к камере. – Какие бы слухи ни ходили об Охотнице Раде, теперь, когда я увидела ее воочию, я со всей прямотой заявляю: она сильный конкурент, вне зависимости от того, кто ее дядя. Охотнику Асу придется расстараться, чтобы не уступить ей место в рейтинге!

– С вами был Джонни Найт, – сказал мужчина.

– И Гейл Пирс, – прибавила женщина. – Охотники на страже! Пик и Территории могут спать спокойно!

Снова зазвучали фанфары, промелькнул яркий символ Союзных Территорий с наложенной буквой «П», то есть «Пик», новости закончились, и начался какой-то другой ролик.

Я выключила дисплей. На меня навалились одновременно усталость и растерянность. Слухи? Ну ладно… И погодите: рейтинг? Что еще за рейтинг? И что мне прикажете со всем этим делать? Учителя говорили, что со мной будут носиться как со звездой, но я же не знала, как это! Все усложняется на глазах. Да так, что мне и не снилось.

Но всерьез напрячься по этому поводу я не успела. Ча деликатно ткнул меня носом: пора, мол, уже раскиснуть как следует. Я убрала дисплей, залезла в постель и подвинулась, давая место Ча. От него исходило тепло и мягкое успокоение, но все равно глаза у меня щипало. Мне хотелось домой. Мне не хватало наставлений Учителей. Прямо до слез не хватало.

Я мечтала снова очутиться на Горе, где жила сколько себя помнила. Надоела уже эта равнина. Я мечтала о снеге и о твердой уверенности, что ни один пришлец, ни один Житель-Волхв не продержится долго на таком холоде.
Я мечтала о своей маленькой комнатке в Монастыре: она не больше этого купе, но гораздо уютнее, теплее и вся светится, и там гладкое дерево, и пуховая перина, и толстые пуховые одеяла. Я мечтала говорить с людьми и не следить за каждым словом. Но больше всего я тосковала о своих Учителях и о Кедо. Мне до

смерти нужны были их советы.

Только Учителя не стали бы их давать. Они больше не говорят мне, что делать, – и так уже года два. Как в тот раз, когда я пыталась разобраться с магической сетью. Кедо учил меня, как соединить два разных заклинания, чтобы получилось еще одно, новое. Я не понимала, зачем мне так мучиться. Кедо ведь умеет создавать магическую сеть – я сама видела, как он это делает! Он бы мог просто показать мне. Но он только посмотрел на меня своим особым взглядом и сказал: «Все, что нужно, тебе известно, – а теперь найди свой собственный путь». И сейчас Кедо, да и любой из Учителей, сказал бы мне то же самое – в глубине души я это понимала.

От этой мысли мне стало только тоскливее. И тут меня всю тряхнуло от ужаса, которому я не дала воли раньше, а еще – вот это было что-то новенькое – от злости. Эти безмозглые кретины делают из меня какого-то… какого-то клоуна! И наконец усталость шарахнула меня по голове пыльным мешком, и я провалилась в сон без сновидений.

Я проснулась, по обыкновению, на рассвете.

Ча ушел, как я и ожидала. Гончие не могут долго оставаться на этой стороне, им словно отпущено какое-то определенное время. Хотя, может, Потусторонье им больше нравится. Я даже не уверена: это то же самое Потусторонье, откуда лезут Жители и все прочие чудики, или другое.

В голове моей роился миллион вопросов. И, разумеется, никаких ответов. Жаль, что я не Псаймон: разговаривала бы мысленно с Учителями, когда вздумается. Но или магия, или псай – по крайней мере у людей, это только Жителям повезло. Так что… да. Миллион вопросов.

Я воспользовалась ‘свежителем и сменила свой Охотничий наряд, раз уж мне доставили мою сумку. Моя сменная одежда тоже мало напоминала ту, что носят цивы, но она была немного повеселее, не такая монашеская. Я облачилась в легкие кожаные штаны и тунику, которую вышила мне в подарок моя лучшая подруга Кей. Сама туника была из золотисто-коричневого льна, и Кей украсила ее красными и желтыми цветами. А еще к моему костюму прилагался широкий кожаный пояс в тон к штанам – очень щегольской; на нем висели всякие карманы. Я забрала волосы в хвост и задумалась о друзьях, оставшихся на Горе.

Прямо сейчас Кей доит коз, которых держит ее семейство. И я точно знаю, о чем она думает. Вовсе не обо мне, хотя мы дружим с того самого дня, когда я насмерть забила гарпию, пытавшуюся утащить козочку. Нет, Кей сейчас размышляет о Большом Томе – как бы отвадить его от Рамоны, хотя нипочем ей его не отвадить, хоть тресни. И вообще Кей уже пора разуть глаза и докумекать, что Датч из Сребручья по ней с ума сходит. Другие Охотники в Монастыре сейчас заняты своими упражнениями – Калеб с Рори, Энди с Люс, оба Тома, Шен с Эси, – они все выполняют сначала движения ката, а потом магические движения.

И мне хотелось быть там, с ними, в Монастыре, притулившемся на склоне Горы и торчащем из снега, точь-в-точь как большой буддистский монастырь в Лхасе на старых снимках. Только у нашего на крыше солнечные панели, и на склоне рядом с ним тоже. Наш Монастырь красивый. У него бетонные стены, выкрашенные в мягкий коричневатый цвет, и крыша – тоже бетонная, не черепичная – покрыта красной краской. Вдоль всей крыши наставлены крошечные ветряки; те, которые насажены на древки, – это на самом деле молитвенные барабаны, потому что… ну а почему нет? Издали видна только треть Монастыря, но это непонятно, пока до него не доберешься. На две трети Монастырь вкопан в глубь Горы. Котлован копали машины, и его рыли очень медленно, осторожно и с большим трудом.

В Монастыре ты ходишь туда-сюда, делая какую-то работу, и все встречные с тобой здороваются, даже если кто-то из них тебя недолюбливает. А уж с теми, кто тебя любит, будут и легкие прикосновения, и похлопывания по спине, и объятия. Мы, обитатели Горы, народ душевный. Все обнимаются, все целуются, даже некоторые монахи и Учителя, как, например, Кедо. У меня в этих маленьких знаках приязни никогда не было недостатка. Не скажу, что у нас все любят всех, но на Горе каждого кто-то любит – и каждый об этом знает. Но все это осталось далеко-далеко. С тех пор как я села в этот поезд, до меня никто ни разу не дотронулся, и от этого мне было совсем одиноко.

И сейчас Гора продолжала жить своей жизнью, но при этом она рассчитывала на меня. Это я должна послужить на благо Пика и Территорий, чтобы Гору все оставили в покое.

Значит, послужу.

Я закрыла глаза, вообразив, будто я сейчас вместе со всеми Охотниками, и сделала свои упражнения. А потом позвонила проводнику.

Он принес мне тот же завтрак, что и вчера, и немного удивленно уставился на мой новый наряд.

– Ну как, для города это лучше, чем то? – слегка обеспокоенно осведомилась я. – Не супермодный прикид, но, может…

– Все нормально, – успокоил меня проводник. – Ты теперь сама супермодная. Ты культовая. Уже завтра народ будет, с ног сбиваясь, разыскивать шмотки как у тебя. А через три дня все вырядятся, как ты. Все же ходят, как Ас или Искра.

Я растерянно поморгала. По-моему, он сейчас сказанул какую-то нелепицу. Но он-то, видно, решил, что тем самым меня утешил.

– Э-э… слушай… а кто такой Ас? – спросила я. – Меня в новостях с ним сравнивали.

– Охотник Ас – страшно популярная личность, – пояснил он. – Да не переживай, с ним всех сравнивают.

– Популярная личность? – недоуменно переспросила я. – А как это – популярная?

– Все обожают смотреть, как он Охотится, – ответил проводник. Он тоже смотрел на меня озадаченно. – В смысле ты… А, наверное, ты там у себя видролики не часто смотрела.

– Нам там некогда ролики смотреть, – насупилась я. – Мы охотимся и сами выращиваем пищу. И сами одежду делаем: из шерсти, конопли, льна и крапивы. И деревья рубим на дрова. И…

– Ладно-ладно, мысль я уловил, – засмеялся он. – Было бы время – я бы тебе все объяснил, но тебе и так все расскажут, как попадешь к Охотникам в штаб. Нам сейчас освободили путь, – продолжил он. – Мы всю ночь гнали на полной скорости. Так что будем на Центральном терминале сразу после обеда. И у меня еще есть кое-какие указания сверху.

Я снова моргнула. Путь освобождают только таким поездам, которые везут всяких супермега-ВИПов. И никак по-другому. Что за бред такой…

– Префект Чарм не хочет, чтобы тебя живьем сожрали видпсы, поэтому он за тобой кого-то послал. Мы сделаем остановку, немного не доезжая до вокзала, – на премьерской платформе. Там тебя встретят, а мы поедем дальше. – Проводник ухмыльнулся. – Ну и рожи у них у всех будут, когда до них дойдет.

Нет, погодите. Какая еще премьерская платформа?!

Ладно, дядя несусветно важная персона. Сам премьер тут, судя по всему, ни при чем. И выходит, мне придется… То есть как это?

– Ты сказал – видпсы? – пролепетала я, чувствуя себя ужасно глупо.

– Гейл Пирс с канала «Пик Прайм» вчера вечером заполучила эксклюзив – интервью с тобой. И теперь все каналы рвутся тебя показывать. На вокзале тебя ждет десятка два или три видпсов. И все хотят интервью. И не только главные видканалы, а всякие. Кулинарный канал жаждет расспросить тебя, что ты ешь, а канал о хобби – чем ты занимаешься помимо Охоты. И еще канал моды, четыре киноканала, книжный канал… В общем, ты поняла.

Он кивнул мне, очевидно решив, что да, я все поняла. А ведь я знала один только «Пик Прайм». У нас больше ничего не ловилось. Раз в неделю из города по почте к нам приходил разный видхлам, и я всякий раз удивлялась: и как «Пик Прайм» умудряется все впихнуть в двадцать четыре часа?

– Ага, – тоненько пискнула я.

– Но префект считает, что тебе не надо с ними говорить, пока ты не созреешь, – добавил проводник.

Точно, созрею – и мне дико захочется с ними поболтать.

Внезапно у меня вспотели ладони. Я сейчас нервничала куда больше, чем при встрече с Волхвом. В конце концов, Волхв меня бы всего-навсего убил зверским способом. А эти люди… они выставят меня последней дурой.

Поезд замедлил ход. По опущенному видэкрану побежали слова, и искусственный женский голос произнес:

– Остановка вне расписания. Просьба оставаться на своих местах. Поезд не прибыл к месту назначения. Просьба оставаться на своих местах. Поезд прибудет к месту назначения без опозданий. Остановка вне расписания…

Мы уже какое-то время ехали по защищенным территориям, и разница с прежними дикими равнинами сразу бросалась в глаза. Люди и машины передвигались по полям, расчерченным с миллиметровой точностью. Иногда поля закрывала черная пленка, через которую прорастали разные пищевые растения. Пленка – это чтобы влага задерживалась в земле и сорняки не росли. Еще попадались ряды гидропонных шкафов[7 - Гидропоника – технология выращивания растений без почвы; корни растения помещаются не в землю, а в питательную среду.]. А иногда мимо мелькали и обычные поля, более-менее привычные моему глазу. Пленка и у нас имелась, и гидропонику мы знали – для нее мы использовали наш пруд с рыбами-тиляпиями. Но здесь это все было в каких-то гигантских масштабах. Наверное, животноводство тут тоже присутствовало, потому что откуда-то же брались деликатесы – натуральные мясо, яйца и молоко. Богатые и знаменитые все это покупали и ели. Но по большей части мясо брали от клонов, выращенных в резервуарах, а яйца и молоко синтезировали из растительных масел. Кстати, я уверена, что яйца и молоко, которые мне давали в поезде, были натуральные. И еще уверена, что не видать мне в городе натуральных деликатесов, пока дядя не поведет меня на ужин.

Вся штука тут была в Барьерах. Это они защищали здешние поля. Их можно было разглядеть даже издалека: сияние, растянутое между опорами высотой тысяча футов. Барьеры были как-то затейливо настроены – не спрашивайте как, это большой секрет. Это все ботаники – так военные называли ученых и инженеров – и Чародеи. Короче говоря, ботаники и Чародеи исхитрились сделать так, что обычные люди и предметы без труда проходят через Барьер, а стоит пришлецу сунуться к Барьеру – пых! – и от пришлеца остается только горстка пепла. Правда, через Барьер можно перелететь. Но если кто из тварей пытается это сделать – их уже поджидают винтокрылы, самолеты и орудийные установки.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше по пути попадалось небольших городков, тем мощнее делались Барьеры. Наконец, примерно за милю до города, мы прошли через очень сильный Барьер. Я почувствовала его: как будто тебя

проталкивают через желе и оно щиплется. А потом мы очутились в городе. Или точнее – в пригородах.

После Дисерея город заново пришлось отстраивать, потому что тут все было раздавлено в лепешку, сожжено или вообще стерто с лица земли. Современные городские улицы разбегались от центра к окраинам, а две крупные железнодорожные ветки разрезали город с юга на север и с востока на запад, деля его на четверти. Восточный терминал дальше по курсу, а я сойду в Порту. Нам больше не надо было ехать в электрифицированной клетке, и по бокам от нас стали появляться другие рельсы. Со своей стороны я насчитала пять путей.

Вероятно, мы остановимся где-то рядом с Узлом и Центральным терминалом. Мы переместились на самый быстрый путь и проехали через заграждение – уже обычное заграждение, такие я видела: металлическая сетка, а наверху колючая проволока. Мы очутились в комплексе – сером, прагматичном и не допускающем возражений. И сразу стало ясно: мы у военных.

Поезд подъехал к платформе. Мне не сиделось на месте; я встала и подхватила сумку еще до того, как появился проводник. Он без лишних вопросов забрал у меня сумку и помахал мне свободной рукой: мол, иди за мной. Я протопала за ним в конец вагона и ступила на платформу. При этом чувствовала я себя как дикая корова, готовая дать стрекача при виде волка.

На платформе меня поджидали двое парней, на пару лет старше меня. Ну, вы знаете, в этом возрасте как раз в армию забирают. Один был темноволосый и темнокожий солдат в чистенькой форме цвета хаки. А вот второй…

Второй был блондин. Черно-серебристая форма, и гладкие черные брюки – точно не сшитые, а отлитые из металла; строгая серебристая туника с маленьким воротником-стойкой и тоже вроде бы без швов. А еще цельные зеркальные очки, похожие на забрало. Что это за форма, я знала, но видеть ее на живом человеке мне прежде не доводилось. Это Псаймон – тот, кто наделен не магическими способностями, а псионическими. Этот почти наверняка телепат. Может, он и еще кое-что умеет, но телепатия и чтение мыслей – это самые ценные из псионических дарований. Псаймонов мало, меньше, чем Чародеев, примерно столько же, сколько Охотников. У нас на Горе не родилось ни одного Псаймона. А если и родилось, то об этом знают только Учителя. У Псаймонов есть причина скрывать свои способности. Оно и понятно: ведь людям рядом с ними всегда не по себе. Ваши головы чем только не набиты – сколькими мыслями вы не прочь с

кем-то поделиться? Уж наверняка немногими. А Псаймоны тем и занимаются, что читают ваши мысли. Будто бы они не имеют права забираться в вашу голову глубже положенного – правда, если вы не преступник. Им позволяется быть чем-то вроде радиоприемника, настроенного только на самые отчетливые мысли, которые сопровождаются сильными переживаниями. Как, например, размышления грабителя о планируемом ограблении или убийцы о будущей жертве. Будто бы у каждого из нас в голове имеется нечто наподобие фильтра, сотканного из наших случайных мыслей, из того, о чем мы думаем каждую минуту. И этот фильтр будто бы пропускает только самые сильные мысли. Но вот именно что «будто бы».

Увидев форму Псаймона, я тут же мысленно уткнулась в Один Белый Камень. Не хватало еще, чтобы каждый встречный Псаймон выуживал из моей головы что-то про Гору, Монастырь и Учителей. Не получит ни единой мыслишки.

Солдат забрал мою сумку у проводника, который даже не стал сходить на платформу. Дверь закрылась, и поезд устремился к вокзалу. Вся остановка заняла считаные секунды.

– Рада Чарм, – сказал солдат, и это не был вопрос, это было утверждение. – Псаймон Грин и я получили указания доставить тебя к префекту Чарму.

Я состроила лицо Охотника и угрюмо кивнула.

– Благодарю, солдат, – отозвалась я. – Благодарю, Псаймон. Я ценю вашу любезность.

Я и без них догадалась бы, куда идти: меня дожидался серый транспод. Настоящих таких я не видела, но в роликах их показывали. С виду он, уж извините, вылитое тараканье яйцо. Закругленный четырехугольный ящик с окошками в верхней половине и дверцей посередине. Транспод был припаркован на краю платформы – на удивление пустой и голой бетонной плиты. Но скорее всего, когда прибывают важные шишки, тут ради их удобства хлопочет целая толпа. Солдат держался так натянуто, что я уже испугалась, как бы бедняга не растрескался внутри своей хрустящей гимнастерки. Он зашагал к трансподу первым, я за ним, а блондинистый Псаймон замыкал процессию. Солдат положил мою сумку в грузовой люк. Мой остальной багаж меня потом догонит, догадалась. Псаймон открыл передо мной дверцу, и я влезла внутрь.

В трансподе оказалось три места: одно пилотское, одно сиденье стояло по ходу, другое против хода. Я уселась в то, что по ходу. Пускай Псаймон едет против хода. Надеюсь, его не укачивает. Солдат занял пилотское кресло, и через мгновение мы мягко тронулись. Транспод шел пока на ручном управлении – мы двигались по коридорам и проходам комплекса. Здесь повсюду сновали солдаты и военный транспорт.

Псаймон переместил очки на лоб, поднял бровь и слегка дернул уголком рта – как бы и улыбнулся, но не совсем. Глаза у него оказались пронзительно голубые.

– Итак. Ты, вероятно, удивилась, зачем за тобой прислали Псаймона. Кстати, я Джош.

– Хм, – глубокомысленно изрекла я. – Вообще-то все случилось уж очень быстро. Я, признаться, толком и удивиться не успела.

Он рассмеялся:

– Я личный псайсоветник префекта Чарма. Если префекту надо, чтобы никто не знал, куда он идет, моя задача – морочить головы псайнюхачам. Я здесь, чтобы ни один псайнюхач не вызнал, где ты. С поезда уже пустили информацию, что ты сошла здесь. Тут, на базе, нас проверять не должны. А дальше мы сливаемся с транспортным потоком – и нас никто не замечает. – Он покрутил какие-то настройки у окна. Вид немного затемнился, но не сильно. – И даже если где-то работает функция опознания лиц, через это окно тебя все равно не опознают.

Он как будто разговаривал со мной на иностранном языке. Я с трудом продиралась сквозь его слова. Он дядин доверенный помощник… значит, что? Можно не защищать мысли? Нет, лучше защищать – от греха подальше. Он делает так, чтобы меня никто не разыскал телепатически. А разыскать меня, между прочим, возможно, даже если я сосредоточусь на Одном Белом Камне. Мысли мои не прочтут, а вот найти меня вообще не проблема. Но получается, видканалы нанимают собственных телепатов.

– Псайнюхачи? А я думала, все псайчувствительные служат в псайкорпусе, – выдавила я наконец.

– Слабо одаренные нам ни к чему, – надменно отозвался Джош с видом человека, знающего себе цену. – Это раньше, когда еще не было физических псайщитов, цеплялись за каждую крупинку псай. А теперь уже не так. Многие видканалы нанимают тех, что послабее, в качестве ищеек, нюхачей. Но мы-то сейчас чистенькие. Твои мысли остались в поезде, а я пресекаю любое вмешательство. Для нюхача этот транспод пахнет тремя обычными цивами.

– Ага, – кивнула я, потому что больше мне ничего в голову не пришло. – Ну… спасибо.

Он склонил голову набок и окинул меня задумчивым взглядом:

– Для культовой особы ты какая-то уж очень робкая. – Он поднес пальцы к виску и замер на мгновение. – Слушай, префект понимает, что ты сбита с толку и расстроена. Он наверняка подыщет кого-нибудь, чтобы давал тебе советы.

На меня вдруг навалилась ужасная беспомощность.

– Я… ну, я из маленькой деревушки в Скалистых горах, – пробормотала я. – Мы получали ролики с новостями из Пика пару раз в день, если сигнал пробивался через пришлецов и если электричество было. А все остальное приходило раз в неделю с почтой. В одном квартале этой базы народу, кажется, больше, чем во всей моей деревне. Я в жизни столько не видела.

Если уж по-честному, я не прибавила к народу в деревне народ в Монастыре, и тех, кто приезжал туда обучаться, и жителей окрестных поселений. Но в общем и целом я не так уж и соврала.

Я ожидала этакой снисходительной ухмылочки, но Джош смотрел на меня скорее с сочувствием:

– А когда у тебя пробудился дар?

Эта ложь уже настолько прижилась у меня в голове, что с языка соскользнула легко:

– Полгода назад. В деревне решили немного выждать, проверить, не исчезнет ли он. А потом уж они связались с префектом, и еще через какое-то время все утрясалось.

– Ты раньше часто Охотилась, да? – Взгляд у Джоша был слегка удивленный. – Потому что твой выход на публику – просто блеск.

– Как дар пробудился – каждый день. – И я снова почти не соврала. Другое дело, что в девять лет, хоть я и была развита не по годам, мне всерьез Охотиться не позволяли – разве что гремлинов пугать в поле. – В смысле это я про Охоту с даром. А так, на охоту по-простому, которая без дара, я ходила как научилась держать оружие. У нас по-простому все охотятся, иначе никак: или они нас, или мы их. Их-то много, а нас мало.

– Сразу видно, – уважительно произнес он. – Ты, похоже, здорово навострилась укладывать пришлецов и без Гончих.

– Да ну, чего там, – я пожала плечами. – У нас деревня стоит выше границы снегов. Пришлецам туда не добраться, поэтому сама деревня – надежное убежище. Но вот наши поля и пастбища – их надо каждый день защищать. Так что с оружием обращаться я навострилась. А потом и с даром тоже.

Джош даже вздрогнул.

– А я пришлецов только в роликах видел, – медленно проговорил он.

Мы миновали целую череду ворот и влились в городское движение. Солдат включил автопилот, вверив транспод движению на магистрали, а сам развернул ко мне пилотское кресло. Он уже выглядел не таким напряженным.

– Я хотел бы лично сказать тебе спасибо, Охотница. – Он смотрел на меня, в точности как цивы в пассажирских вагонах. – Мой брат был вторым стрелком в том поезде. Ты спасла ему жизнь.

– Мы все вместе спасли жизнь всем, – поправила я. – Я делала свою работу, военные – свою. – Но у парня на лице было написано: «А-брат-мне-другое-рассказывал». – Скажем так, я была головой и рукой, – пояснила я. – А военные

на локомотиве были молотом. Без меня они бы не знали, когда бить, куда бить и насколько сильно. А мне без них нечем было бы бить.

Ребята переглянулись, как обычно переглядываются парни. Наконец Псаймон Джош заговорил. Но сначала он хмыкнул:

– Представь, Ас сказал бы такое!

– Звездный мальчик? Ага, как же. – Солдата аж перекосило от неприязни.

– Объясните мне наконец, кто такой этот Ас! – взмолилась я. – Вчера вечером в новостях только о нем и твердили. Как будто я с ним должна быть сто лет знакома.

Солдат рассмеялся:

– Он Охотник, и, судя по всему, действительно неплохой. По крайней мере, его Охота на разных опасных пришлецов смотрится круто. Особенно если он вдвоем с братом, с Паулзом. Но он считает себя пупом земли и ведет себя как пуп земли.

– Говорят, специально для него построили второе здание штаба Охотников. Чтобы ему было где пыжиться от гордости, – невозмутимо прибавил Джош, и солдат опять рассмеялся. – Поклонники считают его красавчиком. Нет, он и правда парень эффектный. Я за его каналом не слежу, но он то тут, то там пролезет. Его все время где-то да показывают.

– Погодите… – поперхнулась я. – Канал?! У него свой канал?!

– У всех Охотников свой канал. Да тебе в штабе Охотников все расскажут.

Мне не терпелось вытянуть из Джоша побольше сведений, но он так и вперился в меня своими пронзительно голубыми глазами. Испытующе. И что он во мне высматривает? Надо на всякий случай подумать об Одном Белом Камне.

Меж тем в голове у меня творилось нечто невообразимое. Мне было и неловко, и в то же время я чуть ли не подпрыгивала от возбуждения. Я же впервые в жизни оказалась наедине с двумя парнями-ровесниками, с которыми не росла бок о

бок. И ведь оба, что называется, одно загляденье, хотя каждый на свой манер. Солдат – как высеченный из камня памятник герою, а Джош такой симпатичный, такой ужасно милый, особенно когда вот так буравит меня взглядом. И улыбается он так непринужденно, и на щеке у него ямочка, а глаза как голубые кристаллы. Только бы он не заметил, как я вспыхиваю каждый раз, когда он на меня смотрит. То есть мне нравится, когда он на меня смотрит, но я не знаю, как ему дать это понять, чтобы не совсем уж в лоб.

Нет, со мной такого никогда, никогда в жизни не было. Одно дело хихикать и понарошку заигрывать с мальчишками, которых ты знаешь с пеленок, – особенно если эти мальчишки заглядываются вовсе и не на тебя. Здорово покружиться на шабботних танцах в объятиях Охотника, с которым много лет вместе в дозоре – потому что вам обоим нужно немного встряхнуться и выпустить пар, и вы оба это знаете.

Но другое дело – когда ты сидишь с двумя незнакомыми красавчиками, а сама думаешь: вот бы затащить одного из них на шабботние танцы, распустить перед ним перья и посмотреть, что будет.

Скажем так: спасибо Одному Белому Камню. Потому что мозги мои загрузились эмоциями доверху, и Джошу ни к чему туда заглядывать. Иначе что он обо мне подумает?

А впрочем, не важно, что он подумает: это-то и грустно. Вскоре я отправлюсь прямиком в штаб и Джоша больше никогда не увижу.

Но все же…

– Моя девушка – фанатка этого Аса, – пробурчал солдат. – Он же весь из себя одинокий волк, а она от этого просто тащится.

– Ага, и еще трагическое прошлое. – Джош прижал к глазам тыльную сторону ладони, изображая героя мелодрамы. Солдат усмехнулся. – Я однажды прикрывал его от нюхачей, – продолжил Джош. – Он вел себя так, будто я кусок грязи на его ботинке и ему не терпится меня соскрести.

И тут я заметила, что произошло: Джош больше не был «зловещим Псаймоном, который читает все твои мысли», – он сделался «одним из тех ребят». Солдат

уже перестал напрягаться, и они завели свой мужской разговор, а я только ушами хлопала и понимала примерно четверть из их беседы. С одной стороны, это было неплохо, а с другой – так себе. Хорошо бы они оба хоть чуть-чуть вели себя со мной как с девушкой, а не как со сверхновой звездой.

И все же Джош по-прежнему был зловещим Псаймоном, способным заглянуть в мои мысли. А у меня в голове полно того, чего я не хочу ему показывать. Дядя отправил Джоша за мной – ну что ж, очень мило, но какой бы Джош ни был раскрасавец, бдительность терять не стоит.

И я стала смотреть на город. За окном все было примерно как в роликах: все чистое, сверкающее, здания – от трех- до восьмиэтажных – выкрашены в приятные глазу пастельные тона. Что это за здания, непонятно: когда тебя несет в регулируемом транспортном потоке, ничего особо не разглядишь. Жителям больших городов, видно, не все позволено: скажем, они не вешают белье на улице. Хотя когда толпа народу сгрудилась в одном доме – где тут повесишь белье? Не очень-то это удобно. Да горожанам это вряд ли нужно – у них же все по-своему устроено.

Движение замедлилось на подъезде к Узлу. Здесь оказалось целое скопище торговых центров, и светящиеся знаки, и видпанели высотой в два этажа, и люди, одетые как цивы в поезде, – они все как будто торопились куда-то попасть и что-то сделать. Хотя многие носили одежду попроще, неброских цветов и без всяких там диковин. Разве что эти каблуки у женщин. Как они ходят в такой обуви? Пару раз на гигантских видпанелях мелькало мое собственное лицо и запись с «Геннами» – все это казалось совершенно нереальным, но я каждый раз подскакивала.

Солдат развернул кресло и положил руки на приборную панель, но нажимать и крутить ничего не стал. В трансподе сделалось совсем тихо, и стоило мне приложить руку к стеклу – я ощущала вибрацию от шума снаружи.

Когда мы добрались до самой середины Узла, толпа очень заметно поредела – пешеходов почти не осталось. Но трансподов ничуть не убавилось. Здания, круче самых крутых гор, нависали надо мной, загораживая небо. Я словно была на дне глубокого-глубокого каньона. Ничего общего с видами старых городов из книг и роликов. Но это понятно почему: Пик-Цивитас по большей части возвели за каких-то десять лет, и строили его одни те же люди – в основном из корпуса военных инженеров, и им еще помогала та горстка цивов, которых военные

спасли и взяли под защиту. Поэтому здания большим разнообразием не отличались. По сути, их было тут всего три вида: круглая башня, ступенчатая башня и прямоугольная башня. И все из какого-то бело-кремового материала. Сразу видно, что планировкой и строительством занимались военные. В армии, если поймут, что вещь хороша, они таких вещей наделают много. Все постройки были однотонные, без всяких узоров – только ряды оконных впадин. Отличались эти здания лишь по высоте. Я вдруг поняла, что напоминает мне Узел: в старых роликах я видела большие модели так называемых «городов будущего». Интересно, а строители тоже изучали эти модели на старых снимках и в старых роликах? Получается, они осознанно строили «город будущего». А что, вполне по-военному: если модель хороша, почему бы ее не воплотить?

Транспод резко вильнул влево, мы съехали с магистрали и юркнули вниз, в освещенную пещеру под каким-то зданием. Спустя мгновение мы очутились перед прозрачной дверью; за ней в обе стороны разъехались створки взрывостойких дверей. Транспод замер, и дверца открылась, выпуская меня.

– Удачи, Охотница Чарм, – официальным тоном произнес солдат и быстро козырнул. – Было честью служить тебе.

– Спасибо, – сказала я, а больше ничего сказать не успела, потому что с другой стороны к трансподу подошел еще один солдат и застыл навытяжку, явно ожидая, пока я выйду. Я и вышла. И обнаружила, что нас с Псаймоном Джошем будет сопровождать целый эскорт из четверых солдат – на этот раз в парадной форме. И они отведут меня к дяде.

Это уже серьезный повод стушеваться. Но я гордо распрямила плечи, кивнула, словно так и должно быть, и зашагала следом за солдатами в здание. Здание поглотило меня. И когда оно меня выплюнет – это пока вопрос.

Глава 5

В таком громадном здании я никогда не бывала.

Монастырь большой, но изнутри он весь деревянный и красивый. Мы ведь ничего не выбрасываем, даже мертвое, изъеденное жуками дерево у нас идет в дело. Мы его используем для украшения интерьера, и все изъяны, все жучиные ходы превращаются в произведения искусства.

Когда монахи не заняты духовными делами или обучением, они обычно что-то мастерят – среди них много резчиков по дереву. Поэтому дверные косяки и сами двери, балки, оконные рамы, стены – все, что только можно украсить резьбой, ею уже украшено. Или будет украшено в один прекрасный день. Обычные дома в деревне тоже отделаны деревом, и там тоже много всяких резных узоров и орнаментов. У фермера с наступлением зимы свободного времени становится много – почему бы не сделать свой дом красивее?

А это здание Прагматичное. Именно так, с большой буквы. Полы из чего-то гладкого и серого, стены тоже серые, только посветлее, на потолке световая панель – и ни одного орнамента. Не знаю, из чего эти стены и пол, но вряд ли из чего-то натурального. Прямо в глаза бросается, что дом строила армия. Что-то полезное, функциональное и имеющее определенную цель – вот такое годится. А бесполезное и цели не имеющее – долой. Или, точнее, оно тут не главное.

Я, конечно, деревня, но не такая уж дремучая. Ролики же я смотрела. Поэтому лифт, например, я узнала; Джош меня к нему и вел. Возле лифта стояли еще двое солдат – по одному с каждой стороны; они вошли с нами в лифт и встали по бокам от нас. Джош нажал самую верхнюю кнопку, и мы поехали. Вот так скользить вверх… довольно непривычно. Однажды у нас в Монастыре случилось маленькое землетрясение: видимо, кто-то из пришлецов пробрался в старые рудники. Тогда у меня внутри все оборвалось: ой, земля, постой, не уходи из-под ног! Вот и сейчас в лифте примерно то же. Хорошо хоть клаустрофобией не страдаю.

Но Охотнику и нельзя ею страдать. Как-то раз мы с Кедо выгоняли томминоккеров[8 - Томминоккеры (ноккеры, наккеры – или попросту стукачи) – подземные духи из шахтерского фольклора; сначала они водились в шахтах Уэльса и Корнуолла, а потом с эмигрантами перебрались в Америку.] из рудников, которые поселенцы Рок Ноб хотели открыть заново. Мы пробирались, согнувшись в три погибели; в некоторых шахтах едва хватало места, чтобы двигаться гуськом. Мы не разговаривали, чтобы не всполошить мелкую нечисть, а только постукивали друг друга по рукам. Никогда в жизни я так не радовалась, что мой Учитель рядом. Кедо все время тянулся назад – даже не для

того, чтобы отстучать мне что-то на запястье, а чтобы легонько сжать мою руку. Потому что он обычно так делал. И каждое пожатие мне было нужно позарез. Потому что нигде никогда не было так темно, тесно и тихо… И только постукивание по моему запястью, только Гончие впереди и позади давали мне почувствовать, что я не одна.

Серый коридор уперся в серую двустворчатую дверь, охраняемую солдатами. Наши солдаты отдали честь солдатам у двери, а те, отдав честь в ответ, распахнули обе створки.

Вот радость: хотя бы приемная не вся серая. Помещение было таким же Практичным с большой буквы, но все-таки на полу лежал коричневый ковер, а стены оказались теплого желто-бежевого оттенка, и столешница у стойки секретаря была деревянная, хотя сама стойка – металлическая. Ух ты, да я видела точно такой кабинет в роликах! В Пик же доставляют материалы со всего света: дядин офис мог быть чуточку повеселее – но нет. Женщина за стойкой нам тепло улыбнулась; на ней был пиджак в тон стенам, только чуть темнее.

– Он освободил для вас время, Псаймон. Вы и Рада можете войти, – произнесла она.

За ее стойкой оказались еще две двойные двери. Мои солдаты прошагали вперед и открыли для нас обе. Мы с Джошем прошли внутрь, и обе двери сомкнулись за нами.

Сцепив руки за спиной, дядя глядел в огромное окно во всю стену. Он стоял спиной к нам, но, едва мы вошли, обернулся. Я даже растерялась. Столько лет я видела его только в роликах – и вот он передо мной живой.

Я не думала, что дядя такой высокий – в роликах он казался ниже, – примерно шесть футов четыре дюйма[9 - Приблизительно 193 см.]. На нем была более изысканная полицейская форма: синяя с серым, сшитая на заказ, и там, где у обычных полицейских серебро, у него было золото. И небольшие галуны на плечах. Макушка у дяди уже облысела, а виски поседели, и еще у него были усы. Вообще он больше смахивал на хозяина булочной или мясной лавки, а не на префекта. Увидев меня, дядя улыбнулся, и это была хорошая улыбка.

– Радка, наконец-то! – Дядя шагнул ко мне и взял за плечи, а Джош отступил на пару шагов назад. Дядя держал меня на вытянутых руках и вглядывался в мое лицо. – Ты так похожа на отца. А глаза материнские.

И тут случилось такое, отчего я бы подпрыгнула и завопила, если бы не моя Охотничья выучка. Но, сказать по правде, я опешила. Потому что дядин палец вдруг как-то странно задергался. И не просто задергался: дядя выстукивал что-то на моем левом плече – послание, которое было мне понятно на уровне инстинкта. Это код, которым мы, Охотники, пользуемся между собой, если нельзя разговаривать. Мы с Кедо вот так перестукивались тогда, в шахте.

«Я рад обнять тебя, малышка. Но здесь обоим опасно. Нас снимают. Покажи, что поняла».

Снимают? В дядином офисе? Но… как это? И чего он боится? Ладно, не важно, потом разберусь. Сейчас надо слушать дядю. Прямо сейчас у меня впервые появилось ощущение, будто что-то не так.

И я мысленно обругала себя. Я же читала «Книгу пяти колец» и «Искусство войны», а Учитель Прайс, который преподавал Охотникам школьные премудрости, заставил меня прочитать трактат «Государь»[10 - «Книга пяти колец» написана в XVII в. самураем Мусаси Миямото и посвящена искусству стратегии и ведения поединка. Трактат «Искусство войны» (V в. до н. э.) был создан великим китайским полководцем и мыслителем Сунь-цзы; эту книгу и сейчас изучают в военных школах. А трактат «Государь» (1532) флорентийского политика и историка Никколо Макиавелли – настоящий учебник для правителя, где подробно описано, как захватить власть и как ее удерживать. В числе прочего Макиавелли призывает идеального государя, к которому обращен трактат, отделять нравственность от политики.]. Я же понимаю: люди – это люди, а политика – это политика, и политика иногда чревата опасностями. И она стала опасна для моего дяди.

– Да, дядя Чарм, – уверенно произнесла я, а сама ухватила его за локти и отстучала «Поняла». – То есть… прошу прощения, сэр. Префект Чарм.

– Часок-другой я могу побыть и дядей, – ответил он, выстукивая «хорошо» на моем плече. – Но ты понимаешь, что за стенами этого кабинета для меня ты будешь Охотница Рада. У меня нет и не может быть любимчиков среди

Охотников. А уж моя племянница тем более будет со всеми на равных.

Если нас снимают, возможно, он так дает кому-то понять: не надейтесь купить меня, обхаживая мою племянницу? Или тут другой смысл? Скажем, такой: если кто вздумает вредить моей племяннице, меня это никак не затронет.

– Сэр, – искренне произнесла я, – я и не думала метить в любимчики. Охотник на особом положении – это избалованный Охотник. А избалованный Охотник – мертвый Охотник.

– Великолепно сказано, – одобрил он и с этими словами увлек меня к окну. – Я решил, что сам тебя встречу и устрою небольшую экскурсию по Пик-Цивитасу, а уж потом ты отправишься в штаб Охотников. Поездка у тебя выдалась неожиданно насыщенная, поэтому, полагаю, тебе неплохо было бы слегка выдохнуть.

– Да, сэр, – согласилась я. И вдруг до меня дошло, что мы смотрим вовсе не в окно. То есть оно выглядело как окно, а на самом деле это был гигантский видэкран, и на нем показывали город с высоты полета винтокрыла.

Держа меня за локоть, дядя показывал мне одно за другим здания в центре, штаб Охотников, потом широко раскинувшиеся гидропонные и рыбные хозяйства. А его палец продолжал выстукивать дробь, предупреждая, что говорить вслух опасно. К счастью, говорить мне и не пришлось. Достаточно было кивать и что-то вежливо мычать. Так я могла сосредоточиться на том дядином сообщении.

– Псаймон любезно сообщил мне, что ты не… – тут дядя замялся.

– …не совсем деревня, – честно высказалась я. – И все же из того, что на меня свалилось, я многого не понимаю. Видканалы у Охотников – это как? И…

Дядя кивнул:

– Жители Пика не должны сомневаться в собственной безопасности, и Охотникам приходится поддерживать в них эту уверенность. Невозможно возрождать цивилизацию, если люди постоянно переживают за свою жизнь. – Но

его пальцы отстукивали другое: «Слушай, что я не говорю вслух». – Мы даем людям возможность наблюдать за работой Охотников, и люди верят, что в пределах Барьеров им бояться нечего. – «Охотники не защитники, а клоуны». – В конечном итоге Охотники сделались чрезвычайно популярны, однако их видканалы совершенно безвредны и запрещать их нет смысла. – «Спроси оружейника».

– Кажется… я поняла, дядя, – пробормотала я.

Поняла я, признаться, немногое, но, вероятно, сумею разобраться, если мне дадут все хорошенько обдумать и если я запомню все, что он мне настучал. Или этот оружейник мне все разъяснит. Хотелось бы верить.

– Ты весьма разумная юная дама, Радка. – Дядя рассмеялся. – Пожалуй, я буду эгоистом и рискну предположить, что такая блестящая Охотница появилась в вашей части Территорий лишь благодаря генам. А?

Ну, этот ход мне понятен. Я принужденно рассмеялась на камеру:

– В моих краях люди интересуются больше овцами да козами. Когда показывают новости из Пика, они вечно засыпают на середине.

Надеюсь, это то, что рассчитывал услышать дядя.

«Умница, – отстучал он. – Выше нос!»

– Очевидно, в ваших краях искать бесполезно.

– Искать? Там искать некого и нечего. Разве что домашний виски. От одного запаха пришлецы валятся замертво.

Дядя посмеялся вместе со мной.

Искать Охотников в нашей глухомани – придет же такое в голову! Я будто бы потешалась над столь нелепой затеей, и понемногу ко мне возвращалось хладнокровие. Учителя оказались правы, и дядя только что это подтвердил. Не объявись я в Пике – к нам приехали бы эксперты. И скорее всего обнаружили бы

Монастырь и Охотников, которые там обучаются. И всех их почти наверняка отправили бы в Пик, а моя деревня и все окрестности Горы лишились бы защитников.

Дядя показывал мне институты. Один для медиков, один для инженеров, один для Псаймонов и один для всех остальных цивов, которые не медики, не инженеры и не Псаймоны. «Будь как все. Не выделяйся», – отстучал дядя.

Он рассказывал про крыши – почему они такие зеленые: солнечные батареи на водорослевой основе. Если энергосеть вдруг накроется, в здании еще останется достаточно энергии, чтобы загерметизироваться и выдержать нападение.
Я кивнула, будто мне это в новинку. А на самом деле у нас дома такие же.

Зачем мне быть как все? Пока не ясно, но это, надо думать, важно. Иначе дядя не стал бы об этом говорить особо.

– А на крышах антилетунные пушки, – рассказывал дядя. – Правда, летуны прекратили атаки еще до твоего рождения. Но даже если через Барьер прорвется вайверн[11 - Вайверн – двухлапый дракон; вместо передних лап у него крылья.], его изрешетят в считаные секунды. Наши защитные сооружения да еще Охотники: цивы с полным основанием убеждены, что бояться нечего.

«Нам обоим лучше маскироваться», – безмолвно сообщил мне дядя.

«Поняла», – отстучала я в ответ.

Мне было тоскливо и одиноко. Если я так здорово держусь, это не значит, что и внутри у меня все в порядке. Снаружи-то у меня Охотничья выучка, но внутри она не работает. Пока я ехала, у меня почему-то засело в голове, что я буду жить вместе с дядей и у меня тогда появится что-то вроде обыкновенной семьи. И я незаметно прикипела к этой мысли: дескать, будь что будет, но хоть с дядей у нас получится семья.

А выходит, что нет. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы себя не выдать. Учителя как один твердили, что дядя добрый, умный и достойный человек, что он меня любит. Учитель Кедо сказал, что дядя единственный, с кем не будет проблем. Учителя никогда меня не обманывали, ни в чем. И насчет дяди, я уверена, они говорили правду.

Ну, дядя очень важная фигура. Если станет известно, что он ко мне привязан, возможно, меня попытаются использовать как оружие. Кто-нибудь, чего доброго, начнет на него давить или придумает гадость еще похлеще. Например, станет делать мне подарки: а замолви-ка за меня словечко перед дядюшкой! Или запугивать: скажи дядюшке, чтобы не упрямился, а то тебе хуже будет. Ведь он префект полиции, в его власти отменить арест, смягчить приговор – да что угодно. А возможно – опять политика! – штаб Охотников и префектура не ладят меж собой. Тогда точно отыщутся такие, кто скажет: вот дойдет до раскола, а у префекта и свой Охотник припасен, из родни.

«Я буду осторожна», – беззвучно заверила я.

Весь кабинет наполнился негромким треньканьем; дядя махнул свободной рукой, и окно снова сделалось окном с видом на городской центр.

– Боюсь, время, что я мог уделить тебе, вышло, Охотница Рада, – бесстрастно произнес дядя. – Я горжусь тобой. И твои родители гордились бы. У меня для тебя подарок в честь приезда.

Он отпустил мой локоть и протянул руку за коробочкой на столе. Открыв коробочку, он вручил мне очень знакомую с виду вещицу. Это был перском, миниатюрная версия наручного гаджета, который умеет делать почти все, что делает микрокомпьютер. У меня был такой дома, только ужасно громоздкий – настоящее полено, закрывал полруки. А этот размером с часы. По сути, это управляемый голосом планшет, который подключен к беспроводной городской Сети. Дома наши корявые перскомы тоже были подключены к Сети – к Монастырской. В Монастыре мало что работало на электричестве бесперебойно, но эта Сеть получала питание от солнца и ветра двадцать четыре часа в сутки и каждый день. Наши перскомы слишком громоздкие, чтобы брать их на Охоту, и это жалко, потому что на Охоте им иногда цены бы не было. А этот перском был просто чудо. И дело даже не в модном городской дизайне и не в наворотах; у некоторых пассажиров в поезде я видела массивные перскомы, почти как наши. Но этот перском был дорогущий. Дядя протягивал его мне; я подставила запястье непреобладающей руки, и на нем сомкнулся браслет. И в этот миг я почувствовала что-то необычное.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Девочка, девушка (исп.).

2

Сэр Джон Тенниел (1820–1914) – английский художник, первый иллюстратор книг Льюиса Кэрролла. (Здесь и далее прим. перевод.)

3

Фут равен 30,5 см. Значит, длина драккена примерно 45 м.

4

Сапотеки – индейский народ в Мексике.

5

Художника Педро Линареса (1906–1992), когда он болел лихорадкой, действительно преследовали галлюцинации – он видел диковинных животных с крыльями, рогами и хвостами. Когда Педро выздоровел, он стал делать таких животных из папье-маше и тем самым снискал себе мировую славу.

6

Алебрихе – яркие мексиканские игрушки, изображающие разных фантастических животных. Моду на алебрихе ввел в тридцатые годы именно Педро Линарес.

7

Гидропоника – технология выращивания растений без почвы; корни растения помещаются не в землю, а в питательную среду.

8

Томминоккеры (ноккеры, наккеры – или попросту стукачи) – подземные духи из шахтерского фольклора; сначала они водились в шахтах Уэльса и Корнуолла, а потом с эмигрантами перебрались в Америку.

9

Приблизительно 193 см.

10

«Книга пяти колец» написана в XVII в. самураем Мусаси Миямото и посвящена искусству стратегии и ведения поединка. Трактат «Искусство войны» (V в. до н. э.) был создан великим китайским полководцем и мыслителем Сунь-цзы; эту книгу и сейчас изучают в военных школах. А трактат «Государь» (1532) флорентийского политика и историка Никколо Макиавелли – настоящий учебник для правителя, где подробно описано, как захватить власть и как ее удерживать. В числе прочего Макиавелли призывает идеального государя, к которому обращен трактат, отделять нравственность от политики.

11

Вайверн – двухлапый дракон; вместо передних лап у него крылья.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leki_mersedes/ohotnica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить